

КОЛЛЕКЦИЯ СТРАХОВ ПРЕТ-А-ПОРТЕ

Анна и Сергей Литвиновы едят легко, живо, остро...
Если принялся читать на ночь глядя – прощай сон. От
того Литвиновы и в лидерах жанра.

«КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

ЗНАМЕНИТЫЙ ТАНДЕМ РОССИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА } АННА И СЕРГЕЙ

ЛИТВИНОВЫ

Спецкор отдела расследований

Анна и Сергей Литвиновы

Коллекция страхов прет-а-порте

«ЭКСМО»

2005

Литвиновы А.

Коллекция страхов прет-а-порте / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2005 — (Спецкор отдела расследований)

ISBN 5-699-17682-9

Скромная библиотекарша Надя уже и думать забыла о юной фотомодели Лере, с которой познакомилась в приемной клиники. А та вдруг позвонила и пригласила на свой показ. Только вместо модных нарядов Надя увидела... труп Лериной подружки Сони. Менеджер девушек Марат коршуном набросился на библиотекаршу и с ходу обвинил ее в убийстве. Но вскоре сменил гнев на милость, когда выгодному иностранному партнеру понадобилась «клуша» как раз Надиного типа – рекламировать собачий корм. Будущая звезда экрана явилась подписывать договор, но в кабинете Марата обнаружилось только бездыханное тело хозяина. Теперь уже за девушку всерьез взялась милиция. Есть от чего прийти в отчаяние! Вся надежда на помощь Димы Полуянова, друга детства и не только...

ISBN 5-699-17682-9

© Литвиновы А., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анна и Сергей Литвиновы

Коллекция страхов прет-а-порте

Пролог

Убийство похоже на шампанское. Ударяет в голову, пенится пузырьками страха. А глаза жертвы – умоляющие, растерянные, жалкие – это закуска. Будто серебряная вазочка с черной икрой. Дополняет вкус дорогого напитка. Перехватываешь последний осмысленный взгляд человека – и в желудке сразу разливается приятное тепло.

Ну, и завершающий штрих – это последние слова умирающей девицы. Они заменяют сигару – ведь так естественно закурить после бокала изысканного шампанского...

– За меня отомстят...

Боже, как скучно.

И вот уже дрожит в последней судороге рот, а крашеные алым ногти в отчаянном броске скребут по кафельному полу.

Браться за пульс не надо – очевидно и так: девчонка мертва.

Красавица, идеал, юные дуручки подражают, мужчины возделают... Видели бы поклонники ее сейчас. С перекошенным в смертной гримасе лицом, в некрасиво задранной юбке, со слетевшей с ноги бархатной туфелькой.

Убивать оказалось куда вкуснее самой элитной выпивки.

И особенно сладко осознавать, что несносная красавица наконец уничтожена. Растоптана. Усмирена. Утихла навсегда.

Глава 1

Месяцем ранее

Лера Летягина

Ей было чем гордиться.

94—61—90. Вот это параметры! Как в любовных романах, как в самых красивых голливудских фильмах. Девчонки завидуют, папики дежурят с розами, а молодые парни – посвящают стихи.

94 – это грудь. Самое то, что надо, – и пышность на уровне, и размер не такой уж большой, чтобы отвисала.

61, на один сантиметр больше, чем положено по канону, – талия. Впрочем, если совсем-совсем не есть ни мороженого, ни конфет – то можно и от проклятого сантиметра избавиться. Но Лера не избавлялась. Повторяла присказку: «Может же у меня быть хотя бы один недостаток?» Да и представить трудно, как обходиться совсем без сладенького.

Ну, а последние 90 – это бедра. Крутые, соблазнительные. И, спасибо тренажерам и массажистке, крепкие, без единой, как сама Лера говорила, *вялостинки*. («Ребенок ты еще, – вздыхала мама. – До сих пор слова придумываешь, как от двух до пяти...»)

Официально Лера и считалась ребенком – училась в десятом классе.

Но титулов на конкурсах красоты уже собрала немало. Пусть не «Мисс Россия» и даже не «Мисс Москва» – но четыре призовых места и один даже Гран-при, пусть и не в самых престижных конкурсах, тоже чего-то стоят. Тем более когда тебе только шестнадцать. Многим ли девчонкам ее возраста уже надевали короны и дарили корзины, полные орхидей?

Правда, Лерин менеджер, Марат, говорил так: «Объемы и мордаха – вот и все, что у тебя есть. Но без мозгов – красота ничто, а с серым веществом у тебя, детка, беда, вся сила в сиськи ушла...»

Лера послушно соглашалась – с Маратом так проще. Пусть мнит себя хоть кронпринцем, хоть Эйнштейном – а она и на роль овцы согласна. Потому что какой с парнокопытного спрос? Никто и не сомневается, что овца – животное послушное и команды выполняет безропотно. А насчет мозгов... Менеджер хоть и мнит себя умным, а еще не понял, что сила красивой женщины – в ее умении прикинуться глупой.

Так что пусть Марат командует – до поры до времени. Пока она не выйдет на такой уровень, что сможет сама выбирать себе менеджера. А до тех пор – остается лишь безмятежно улыбаться в ответ на бесконечные Маратовы приказы и придирки.

Хотя в чем-то менеджер, конечно, прав. Грудь, талия и бедра – действительно ее главное богатство. А еще – глаза («цвета осеннего моря», это Марат придумал так во всех анкетах писать). Волосы – черные, как ночь на юге. Точеный нос. Роскошная улыбка. В общем, пока ни одного мужчины не встречалось, чтобы пасть не разинул, как ее увидит. Вот и пусть разевают – лишь бы руками не трогали.

Даже мама – а она к дочери относилась еще строже, чем даже деспот Марат, – и то, бывало, расчувствуется:

– И в кого ты у меня такая красивая?..

И действительно – в кого? У папы на всех фотокарточках – нос картошкой и глазки-щелочки. Да и в маме – обаяние-то, конечно, есть, а вот красоты – ни на грамм.

«Вдруг меня из детдома взяли?» – иногда фантазировала Лера. И представляла себе: роскошный особняк со спуском к воде, вышколенных слуг, дорогие лимузины – и себя, маленькую девочку, как часть шикарного интерьера... Может, и правда – у нее происхождение особое, благородное? А потом – с ее настоящими родителями что-то случилось? Что-то красивое, например, взрыв на яхте или катастрофа частного самолета – и сказочная Лерина жизнь закончилась... Хотя, с другой стороны, если ее кровные родители были такие богачи – как она могла оказаться в русском детдоме, откуда ее обыкновенные советские мама и папа удочерили?

Так что, наверно, нужно школьной биологичке поверить, которая говорит, что генетика – наука непредсказуемая. И самые примитивные хромосомы вдруг перемешались так, что на свет явилась она – будущая, как втайне надеялась Лера, *Мисс Вселенная*.

Но пока до этого титула далеко. «Набирайся опыта», – велит Марат. «Сначала школу закончи», – занудствует мама.

Ох, школа, школа, кому она нужна?! Давно пора принять закон: учеба есть личное дело каждого. Вон, толстой Нинке с ее физией только и остается, что в библиотеке сидеть, – так пусть и сидит. А Мишка Тюкин обожает с колбами возиться, все руки в ожогах, и ему это нравится – и вперед, кто бы возражал. Но зачем других-то заставлять? Заучивать кучу невнятных формул, из которых почему-то следует странный вывод, что гипотенуза короче двух катетов. Или читать Достоевского с его заморочками – то какой-то «Мертвый дом», то этот Раскольников сумасшедший, вот уж действительно: тварь дрожащая...

Но только от школы, увы, никуда не деться. Тут уж и мамочка, и Марат слились в едином порыве. Бывает даже, что после вечерних показов – посипуй-ка по подиуму с восьми до полуночи на высоченных шпильках! – и то заставляют наутро в школу идти. И никакими жалобами их не проймешь – а ведь давно доказано, что, если регулярно не высыпaeшь, морщины могут пойти...

– Рано тебе пока о морщинах думать, – отмахивается маман.

– Получи аттестат, а дальше – свободна, как птица в полете, – клянется Марат. – Только, может, на актерское мастерство тебя устрою...

Актерское мастерство – это ладно. Наверняка поинтересней, чем химия. Научат небось, как улынуться позагадочней да ногу на ногу перекинуть поэлегантней.

Хотя манеры у нее и без того, как говорит мама, врожденные. И почему-то добавляет: «Наша порода!» Хотя какая там у них порода? По маминой линии – сплошь парикмахеры, причем не очень хорошие: по крайней мере, Марат категорически запретил, чтобы кто-то из родственников ей волосы подравнивал, – сам возит в дорогие салоны. Ну а папина семья – как в старом советском фильме, рабочая династия. О таких, наверно, поэт Некрасов писал: «До смерти работает, до полусмерти пьет». Отец от них давно ушел, и Лера с ним не видится – но почему-то не сомневается: папаша по-прежнему заливает глаза, буянит, швыряет о стену тарелки с чашками, и очень хорошо, что теперь это происходит уже не на их крошечной кухне.

– А у тебя, Лерочка, впереди большая и интересная жизнь, – вздыхает иногда мама.

Интересная – это можно. А вот большая, до старости, морщин и пигментных пятен, – совсем не обязательно. Какой интерес ходить на сохлых ножках и пить таблетки от радикулита? По большому счету, жизнь – она только до тридцати. А потом – все заканчивается. Только и останется, как Клавке Шиффер, родить бэбика и погрязнуть в пеленках. Смертная скучища.

Главное – все до тридцатника успеть. В будущем году – попасть в финал конкурса красоты журнала «Космополитэн», еще через год – в «Мисс Москву», а потом – можно и на заграничный уровень выходить. А пока – доводить себя до совершенства, в чем Лера пощады себе не знает: спортивный клуб, каждый вечер – маска, то для лица, то для волос, то для тела, а еще – тренировать перед зеркалом чарующие улыбки и поклоны перед воображаемыми зрителями. В общем, расслабляться некогда. Жить надо торопиться, как говорил писатель Лермонтов. А то оглянуться не успеешь – и красота увяла, глаза потухли, менеджеры разбежались...

И что тогда? Ни показов тебе, ни кастингов, ни восхитительных перепалок, как недавно они с Сонькой Перепелицыной друг на дружку орала из-за того, кому первой вечернее платье от «Живанши» примерять.

И пусть Марат тогда обозвал их «глупыми коровами» и платье вообще отобрал, отдал задавке Ленке, – а все равно польза: после ссоры, настоящей, с криками и пощечинами, и глаза горят ярче, и щеки безо всяких румян пунцовеют, им тогда даже сам главный спонсор, надутый, словно бутылка с минералкой, аплодировал.

А скоро в жизни и вовсе сплошные приятности начнутся – ведь в следующем месяце их с Сонькой обеих в Италию посылают. В школе, правда, учебный год на излете и полно всяких итоговых контрольных – но *моделям их уровня* позволено жить по особому графику.

Контракт на десять показов в Милане, для известного дома моды, тоже пробил Марат. Долго ругался, что обошлось ему это дорого. Пришлось якобы и ОВИР подмазывать – чтоб паспорта побыстрее справили, и поручительство итальянцам писать – будто бы лично он гарантирует, что Лера с Сонькой там, в Милане, на панель не пойдут, и даже вроде вносить какой-то депозит как гарантию их нравственности.

– Я за вас поручился, козы, – хмуро предупредил менеджер. – Так что посмейте только загулять. Из своих гонораров штрафы платить будете.

– Да врет он все! И... еще... третирует нас, вот! – шепотом просвещала Леру Сонька. – Наоборот: это итальяшки отвалили ему за нас кучу бабок! И гулять в Милане никто нам не запретит. Там знаешь мужики какие, не чета нашим. В кроссовках сроду никто не ходит. Все, как один, – мафия, в «Гуччи» с «Армани», и волосы гелем укладывают!

Сонька Перепелицына – девчонка ушлая, о чем ни спроси – все знает. И параметры у нее – почти не хуже, чем у самой Леры. Нос только подкачал, с горбинкой, и Марат каждый месяц с ее заработков по сто долларов вычитает – говорит, что откладывает на пластическую операцию и вроде бы в конце лета, когда показов мало, запрет Соньку в клинику, чтоб ей там шнобель подкорректировали.

Сонька из-за носа стесняется и, даже когда они с Лерой кофе пьют, пытается его рукой прикрыть. Но на подругин шнобель Лере плевать – ее другое раздражает: что вокруг Соньки вечно мужики выются, все, как на подбор, уродские: с брюшком, залысинами и золотыми перстнями. И подруга не только сама их привечает, но еще и пытается «лишних» Лере подсунуть. Так что приходится разгонять. Не потому, конечно, что мужик – это плохо. Просто уровень Сонька выбирает не тот. Уж учит ее Лера, учит: «Потерпи, Сонька, не трать силы на этих уродов! Мы ж скоро совсем другую планку возьмем!» Но разве подругу уговоришь? Она сегодняшним днем живет. Или не верит, что будущее их обеих ждет самое восхитительное...

Лера поклонение сильного пола, конечно, тоже принимала с удовольствием. Но только – поклонение, ну, или, может быть, скромный поцелуй. Застыла, как смеялась Сонька, на «школьном варианте» – когда посвящают поэмы и пишут на стене противоположного дома о том, что она – самая красивая девушка в мире. Хоть все и считают ее овцой – глупышкой, она-то понимает: *чистый* продукт ценится куда выше, чем с брачком. Это как в банке: если у тебя кредитная история идеальная, то и ссуду дадут, и любые гарантии. И *купают* в свое время за огромные деньги. А если про тебя, как про Соньку, всем известно, про миллион твоих убогих золотоперстных папиков, то кому ты нужна, кроме очередного старого да лысого?

И пусть Лере пока не дарили ни шуб, ни золотых колечек, пусть не возили на «Мерседесах» – она не жалела. Скучно, конечно, вечерами с мамашкой перед телевизором сидеть, но есть в ее воздержании и плюсы. Во-первых, никто тобой не командует. А во-вторых – бояться нечего. Ни того, что мужик твой с левой ноги встанет и фингал накануне важного показа организует, ни даже более прозаических вещей. Вон, перед поездкой в Италию надо медосмотр пройти – так Сонька вся извелась. Трясется, что заставят кровь сдавать и врачи в ее анализах найдут какую-нибудь дрянь, из тех, что мужики перетаскивают. А Лере – бояться нечего. Максимум,

что доктора обнаружат, – повышенный гемоглобин, потому что она для цвета лица много гранатов ест.

– Скучная ты, Лерка, – морщится Соня.

Может, и скучная. Зато она готова к тому, что ее жизнь будет идти только по восходящей. И что приятных и волнующих событий в ней с каждым днем станет происходить все больше и больше.

Дмитрий Полуянов

Пирожки в редакционном буфете – высший класс. На всю Москву лучше только в историко-архивной библиотеке, где Надька Митрофанова работает. Он набрал целую гору: и с грибами, и с капустой, и с курагой, и с маком. Поставил тарелку на стол, а сам за кофе пошел. Кипяток в заведении посетители наливали собственноручно, из пятиведерного самовара, причем в граненые стаканы. Буфет редакции «Молодежных вестей» являл собой чудом сохранившийся заповедник советскости – однако советскости не нарочитой (как в «Петровиче» или петербургской «Пропаганде»), а самой что ни на есть натуральной.

– Я тему придумал, – сказал Полуянов, подсаживаясь к столику. – Могу подарить.

– Н-ну? – кокетливо пропела юная Кирочка, которую Дима сегодня выманил на обед.

– Составить рейтинг московских пирожков.

Кирочка немедленно задумалась, долго морщила лобик и, наконец, изрекла:

– Пи-ирожки-и?.. Интересно, конечно, но это не по нашему отделу. Я ведь все-таки не ресторанами занима-аюсь, а светской жизнью.

– Как это не по вашему?! – с горячностью возразил Дима. И начал на ходу фантазировать: – Шире, Кирочка, надо мыслить. Можно знаешь какую кампанию именно про светскую жизнь забабакать? Допустим, сегодня ты идешь в гости к Маше Мироновой. Она угощает тебя собственноручными пирожками, попутно дает тебе интервью, а под конец вызывает на кулинарное состязание еще одну светскую героиню. Ну, например, Ольгу Позизову. Назавтра ты идешь к Позизовой, та тоже тебя кормит – а потом передает «пирожковую» эстафету Мордюковой... И – полетели! Все выше и выше, до самой Пугачевой, а то и до жены Путина. А?! Каково?

Кирочка насупилась. Кажется, она всерьез обдумывала сделанное в порядке бреда полуяновское предложение. Наконец сказала:

– Да наши звезды все равно никаких пирожков не пекут. Им домработницы готовят.

– Ну, как хочешь, – легко согласился Дима. Он уже сжевал пару пирогов, а Кирочка только булочку с маком общипала. – Да ты ешь, давай, ешь! А то сил на светскую жизнь не останется.

– Что ж, могу. Проблемы с фигурой мне пока не грозят, – с важностью проговорила юная корреспондентша и откусила добрый кусок от булочки.

Полуянов, прищурясь, поглядел на нее через стол. Ведь дура дурой, даже странно, что такую толоконную деваху в известную газету взяли, и далеко не красавица, и одевается никак – а все равно при взгляде на нее Дима ощущал приятное щекотание внизу живота. Хотелось ему эту Кирочку немедленно завести куда-нибудь в темный угол, и... Магнетизм какой-то.

– Давай, Кирюшка, мы с тобой куда-нибудь сегодня сходим? А то что мы все в буфете да в буфете, – послал пробный шар Дима. – Попьем пивка, я тебе других разных тем напридумываю. Поучу секретам журналистского мастерства...

Последнее предложение прозвучало сугубо двусмысленно.

Кирочка изучающе посмотрела на Полуянова. Загадочно улыбнулась. Соблазнительно облизнула с губ крошки. Но все-таки сказала:

– Сегодня я не могу. Меня редактор на премьеру «Авантюристски» гонит.

Странно, но когда Кирочка «ушла в кусты», Полуянов испытал не разочарование, а облегчение. «Ну, и слава богу. Проблем меньше. Так, на самом деле, уже надоело – сначала нужно распусть перья, затем напаивание объекта, уговаривание, потом – при наиболее благоприятном раскладе – возня в постели. И непосредственно после секса, а особенно наутро – разочарование и оттенок стыда, той или иной густоты...»

«Что это со мной? – спохватился Дима. – Старею, что ли?»

– Эх, жаль, что ты занята, – вздохнул он вслух. – А то ведь могла доброе дело сделать. Человека спасти.

Он послал Кирочке загадочный взгляд и закончил:

– Я ведь, к сожалению, тяжело болен.

– Чем?! – испугалась девушка.

– У меня, видишь ли, мидл-лайф-крайзис.

– Как?

– Не волнуйся, это, конечно, болезнь – да не совсем. Ни воздушно-капельным, ни даже половым путем не передается. У меня – душевное страдание. Называется «кризис середины жизни». Мне ведь скоро тридцать, знаешь ли...

– Ну и что, что тридцать? Не семьдесят же!

– Как – ну и что? Как – ну и что? Все самое интересное уже позади, и старость не за горами...

– Старость у всех не за горами, – вздохнула двадцатилетняя Кирочка. – И у меня тоже.

– Ну, я, во-первых, старше тебя на целое поколение, ты еще в детский сад ходила, когда я уже Сартра читал, – начал разливаться Полуянов. – А во-вторых, земную жизнь пройдя до половины и осмысляя пройденный путь, начинаешь задумываться.

– О чем?

– О тщетности жизни вообще и собственных усилий в частности.

– Ой, Дим, о чем ты говоришь! Это у тебя-то – тщетность?! Ты ведь такая звезда! Сенсации одну за одной выдаешь. У тебя даже книги выходили!

– А что толку, – вздохнул Дима.

«Байроновский тон иногда удивительно воздействует на девушек. И многие из них обожают протягивать руку помощи, спасти, вдохновлять на подвиги. Иначе как объяснить, что девицы в таких безразмерных количествах сохнут по разным алкашам, наркошам и психам? Может, и Кирочка из породы жалостливых? Из «спасательниц»?»

– Сегодня – сенсация, – чайльдгарольдовски изрек Дима, – завтра – «гвоздь», а жизнь-то проходит...

Хоть и не всерьез произносил он свои сентенции, а чтоб на девушку впечатление произвести, все равно мысли, которыми он сейчас, в полушутейном разговоре, делился с Кирочкой, ему невольно в голову закрадывались – и с каждым днем все чаще. Особенно по ночам.

Дима вспомнил, как он сделал свой «гвоздь» – когда они с Татьяной Садовниковой в переделку на рейсе двадцать три – пятнадцать попали¹. Тогда родная газета его репортаж из номера в номер печатала, с продолжением, телевизионщики интервью брали, денег появилось море – и казалось, что дальше его ждет новая, особенная, необыкновенная жизнь: вся такая лучезарная, в блицах, софитах и смокингах. Ан нет. Ничегошеньки тебе подобного. Эхо от сенсации улеглось, да гораздо быстрее, чем думал Дима, другие герои пришли ему на смену, иное стало забавлять публику – а он? Что оставалось ему? Опять, изо дня в день, ходить на работу, терзать клавиатуру, заниматься унылой поденщиной.

¹ Подробнее об этих приключениях Дмитрия Полуянова и Татьяны Садовниковой можно прочитать в романе Анны и Сергея Литвиновых «Отпуск на тот свет», издательство «Эксмо».

Затем, спустя пару лет, история повторилась – когда благодаря его стараниям кандидата в премьер-министры не только со всех постов сняли, но даже посадили². Полуянов опять пожинал славу: заголовки, фото, интервью. Все дни были расписаны: в час – интервью у него берет «Евроњьюс», в три – Си-эн-эн, в четыре – программа «Время». А многим еще и отказывать приходилось! И что же: та его слава продолжалась еще меньше. Неделю, и все. Потом случились новые сенсации, катастрофы, светские сплетни, и о Полуянове опять забыли – прочно и, казалось, навсегда.

– Только и остается, – вздохнул он вслух, рисуясь перед Кирочкой, – тащить свой воз, тянуть ляжку, выдавать положенные тысячи строк...

– И все равно ты необыкновенный, – возразила Кирочка, и внутри Димы от ее комплимента все аж всколыхнулось. Но потом девушка вздохнула и печально добавила: – Не то что я.

Вот дурында! Она, похоже, вовсе не собирается его утешать, а сама на утешение и жалость напрашивается. Но уж этого Кирка от него шиш дождется. Да и вообще, трезво подумал Полуянов, нужна ли ему эта девица? Стоит ли продолжать с ней игры? На самом деле таких журналисточек он знал как облупленных. Слишком уж они предсказуемые – эгоцентричные, самовлюбленные, «все такие порывистые»...

– Будут у тебя, Кирюшка, еще, как американцы говорят, твои «пятнадцать минут славы».

– Ты уверен?

– Сто пудов, – буркнул Дима, закругляя разговор и откусывая целых полпирога с курагой, чтобы забитый рот не дал возможности продолжать дискуссию.

Обед несостоявшиеся любовники завершили в молчании и, холодно распрощавшись, разошлись по своим кабинетам.

Оставшись один, Дима пропел недурным баритоном: «Была без радости любовь, разлука будет без печали...» А потом с тоской подумал: теперь перед ним во весь рост встал вопрос – чем занять вечер? Тупо, в одиночку, торчать у телевизора с DVD-плеером? Накачаться пивом в мужской компании? Созвать друзей, опять же, мужеска пола, на преферанс? Но ни первое, ни второе, ни третье не прикалывало – а дежурной цыпочки у него в данный момент не было. А цыпочка потенциальная, Кирка, – жестоко обломала... Что оставалось делать?

«Позвоню-ка я Надюхе, – вдруг решил он. – А что? Это мысль. Старый боевой товарищ, умная баба. И никакого намека на секс. Да и черт с ним, с сексом. Просто посидим, потрепемся, расскажем друг другу новости... Да и совестно, право. Тыщу лет ей уже не звонил, а еще другом детства называюсь...»

Надя Митрофанова

Жизнь шла наперекосяк, и почему так не везло – непонятно.

Она ведь совсем не крокодилина. Не фотомоделка, конечно, но внешность приятная, и фигура нормальная – приятной полноты, это сейчас стало модно. И уж тем более не дура: институтские преподаватели когда-то все уши пропели – и о потенциале говорили, и о грядущей удачной карьере. Но только никудышные из учителей вышли пророки – великого будущего Надя Митрофанова так и не дождалась. И от этого было ужасно горько.

Ей двадцать семь. Возраст, когда ученые – защищают кандидатские диссертации, менеджеры – получают в свое распоряжение первых подчиненных, а талантливые актрисы – начинают сами выбирать, в каких им фильмах сниматься. Ну и, конечно, все девушки к двадцати семи уже давно отыграли свадьбы, а то и принесли из роддома по хнычущему свертку. А она, Надя, до сих пор на бобах. Работает – на бросовой должности в библиотеке, живет – одна.

² Эти перипетии из жизни Димы описаны в романе Анны и Сергея Литвиновых «Эксклюзивный грех», издательство «Эксмо».

(Любимая таксочка, Родион, будни, конечно, скрашивает, но на настоящую родственную душу все же не тянет.) И, главное, нет ни малейших перспектив, что ее жизнь хоть когда-то изменится. Ну, допустим, назначат ее заведующей залом – и что? Станут чаще «на ковер» вызывать да обязанностей навалит два воза. А прибавка в пятьсот рублей в месяц при современной жизни большой роли не играет.

С личной жизнью – тоже полный застой. О том, что надо бы замуж, Надя начала задумываться лет с двадцати, но только в ЗАГС ни с кем так и не сходила. Все что-то нос воротила, выбирала, придиралась: тот не такой, этот не сякой, вдруг завтра кто получше на горизонте появится? Последний пример – Сашка. Вроде бы всем хорош. И при должности, и при внешности, но скучный – до старческой мигрени. А уж предсказуемый какой! Надя, например, всегда *знала*, какие цветы он подарит (весной, ясное дело, мимозы, а розы – только летом, когда на них цены падают). И куда позовет – если в кино, то именно на тот фильм, о котором в «Молодежных вестях» давеча положительная рецензия была.

– Ничего ты не понимаешь: такие зануды для семьи – самое оно, – консультировали Надю коллеги из библиотеки. – Из них отцы хорошие получают.

Но только стоило представить семью с мужем-Сашкой, у Митрофановой от тоски сразу начинало зубы ломить. И Саше она отказала. Решила еще подождать. Все надеялась, что женихов в ее жизни встретится немало. Однако под глазами уже первые морщинки стали появляться – а замуж она так и не вышла...

Надя старательно изображала, будто все у нее в шоколаде. Говорила, что в современной жизни семейные ценности уже не котируются и что лучше быть одной, чем рядом с кем попало. И никому никогда не признавалась, до чего же ей надоело: каждый вечер ехать из *утихшей* библиотеки в *вечно тихую* квартиру.

– Ты, Надька, пластифицировалась, – как-то пошутил ее приятель Дима Полуянов.

– Ты имеешь в виду, остановилась в развитии? – холодно уточнила она.

– Нет-нет, ни боже мой, – испугался Димочка (он хоть и охальник, а краснеть еще не разучился). – Я не хотел тебя обидеть. Просто жизнь твоя уж по такой накатанной колее идет... Как тебе только не скучно: библиотека – дом, дом – библиотека?.. А всех развлечений – Родиона к ветеринару возить! Ты в ночные клубы, например, ходишь? Хоть иногда?

– Угу, – кивнула Надя. – Пять раз в неделю.

– Да ладно, – не поверил Димка.

– А оставшиеся две ночи – провожу в казино, – грустно усмехнулась она.

– А, так ты шутишь... – снисходительно хмыкнул Димочка.

...Дима Полуянов был сыном маминой коллеги. Начинили с того, что Дима (старше Нади на пару лет) помогал ей лепить куличики из песка. Потом произошла парочка поездок на отечественные курорты – мамы щебетали на лежаках, Надя с Димой – болтали или дрались у кромки моря. Дальше последовали школы – разумеется, разные, потому что в Москве такого сроду не бывает, чтобы коллеги по работе еще и жили друг от друга поблизости.

Поэтому встречи становились все реже, тон Димы – он уже превращался в подростка – все снисходительнее. А когда поступили в институты – пути и вовсе разошлись: Димка попал на блестящий и богемный журфак, Надя – поступила в скромный библиотечный.

Пару лет назад их дороги все же пересекались³, и Надя очень радовалась, что они с Димой, как и в детстве, понимают друг друга с полуслова. И даже, дура, надеялась, что это их понимание перерастет во что-то большее, – но, увы, совместные дела кончились, и Дима снова исчез. И теперь, как ясно солнышко, появлялся на ее горизонте раз в несколько месяцев, выводил в бар, покупал дорогой коктейль, хвастался своими успехами... А потом подвозил ее до дома – и снова исчезал в своей интересной, насыщенной жизни.

³ См. романы Анны и Сергея Литвиновых «Эксклюзивный грех» и «Рецепт идеальной мечты», издательство «Эксмо».

...Их предыдущая встреча состоялась, Надя для интереса подсчитывала, девяносто три дня назад. Тогда, помнится, Димка хвастал командировкой в горячую точку и премией «Золотое перо», а она – радовалась за него и всячески нахваливала.

...А сегодня Полуянов опять позвонил и вытащил ее в очередной второсортный бар, и снова начал хвастаться. Весь вечер разливался соловьем, что поехал отдохнуть в Японию, и – надо же, как повезло! – подросло шикарное цунами, и он не только лично спас чуть не сотню человек, но и написал о своих подвигах клеветнейшую статью, которую уж точно наградят званием «Репортаж века».

– Ну, а что у тебя, Надюшка? – поинтересовался Полуянов, когда запас его собственного красноречия иссяк.

– Да все как обычно, – слабо улыбнулась она. – Работаю.

– Перспективы? – потребовал Дима.

– Может, скоро заведующей залом назначат.

– Круто, – небрежно похвалил Полуянов. – Будешь тогда мне книжки редкие на дом давать. Под честное слово.

– Боюсь, не выйдет, – вздохнула Надя. – Я ведь не всей библиотекой стану заведовать, а только залом. А редкие книжки – они не в зале, а в фондах хранятся.

– Ну, и какой тогда смысл столь блистательной карьеры? – сразу скис Полуянов.

– Зарплату прибавят, – пожал плечами Надя.

– На сто рублей? – фыркнул журналист.

– На пятьсот, – поправила Надя.

– Н-да, озолотишься, – продолжал насмехаться Дмитрий.

Надя начала злиться. В конце концов, какой ты ни будь друг детства, хамить-то зачем?

– А ты что, можешь предложить что-то лучше? – поинтересовалась она.

– Я? Тебе?!

Он так опешил, будто она у него тысячу долларов в долг попросила. Впрочем, взглянул в ее обиженные глаза – и действительно призадумался:

– Н-ну... хочешь, я правда поговорю... Может, нам в редакцию секретарша нужна?

– Спасибо, Дим, но секретаршей я работать не хочу, – холодно отказалась Надя.

– Тогда, может, замуж тебя позвать? – небрежно спросил Полуянов.

Увидел, как окаменело Надино лицо, и тут же поправился:

– Шучу, шучу... Ладно, что мы все о грустном. Как Родион? Все жиреет?

Вот, в этом Полуянов весь. О замужестве (а вот за него бы, что уж скрывать, она пошла бы!) – говорит в шутку, а про здоровье таксы – спрашивает на полном серьезе. Главное только – не показать, как это ее задевает.

– Жиреет, Дим. Еще полкило прибавил. По лестнице вообще не может ходить – только на лифте.

– Да уж, такого жирдоса еще поискать, – кивнул Дима. – Мой кот, царство ему небесное, – и то куда меньше лопал.

(Нет бы ее похвалить – она ведь с прошлой встречи целых три килограмма сбросила.)

– А ты, Надюшка, что-то чахленькая стала, – вдруг заявил журналист. – Прямо тростинка.

– Заметно, что похудела? – вырвалось у Нади.

– М-м... да, видно, конечно, – слегка растерялся Полуянов. (Ничего, значит, паразит, не заметил!) – Стройна стала, как лань. Но главное – бледненькая какая-то. Ты хорошо себя чувствуешь?

Наде показалось, что в Димином голосе звучит искренняя забота.

– Да знаешь – действительно неважно, – призналась она. – Голова часто кружится, слабость какая-то. Настроение плохое...

Странное недомогание у Нади началось с месяц назад. Вроде бы все терпимо, ничего особо не болит, но вялость – как у древней старушки. Как бабушка из старого анекдота жаловалась: «Сяду – и сижу, сижу, сижу...»

Впрочем, договорить ей Дима не дал, перебил:

– Ну, тогда все с тобой ясно. Диагноз готов: депрессия. Или меланхолия. В общем, тоска. Знаешь, как лечить?

«Подожди, я ж еще недосказала», – хотела произнести Надя. Но тут заметила, как журналист украдкой взглядывает на часы, и поняла: Диме совсем неинтересно слушать об ее недомоганиях. В *его* жизни принято, что у девушек всегда все «о'кей».

– Ну, и как же, ты говоришь, лечить? – как можно беспечнее улыбнулась она.

– Записывай, – принялся балагурить Полуянов. – Первое. Утром, едва проснувшись, – бокал шампанского. Но только хорошего, «Моёт у Шандон», это как минимум. Второе. На завтрак – кофе с добрым коньяком, а потом – обязательно сигару. Лучше кубинскую...

Он снова взглянул на часы.

– Спасибо, Дима, я поняла, – перебила его Надя. – Завтра куплю все необходимые лекарства. И коньяк, и шампанское, и сигары. Но все-таки – у тебя ведь мама врачом была? Не осталось каких-нибудь знакомых – ну, в смысле, докторов? А то ведь в районную поликлинику идти, сам знаешь, бесполезно... Может, есть на примете хороший терапевт, но только чтобы не очень дорого?

– Ох, Надька, так это ж мама врачом была, а не я! – поморщился Полуянов. – А я от медицины – за сто миль держусь, не выношу этих микстурщиков-клизтирщиков. Так что извиняй, подруга... Лечись лучше коньяком – здоровее будешь.

– Ладно, Дим, тогда я так и сделаю, – слабо улыбнулась Надя. – Ну, что – пойдём?

– Пошли, – не стал возражать Полуянов.

И они разошлись – чтобы опять не видеться как минимум три месяца.

А вечером, когда Надя пила на одинокой кухне зеленый чай, она вдруг почувствовала себя совсем нехорошо. В голове зашумело, в ушах – будто по стае комаров поселилось, перед глазами – странные красные всполохи... А с чего такая беда – непонятно. Выпила-то всего-то один коктейль, и выпалась, и обедала нормально...

Надя прошла в коридор, где в одном из шкафчиков хранилась аптечка (брела и с опаской смотрела на стены – они почему-то слегка покачивались). Извлекла градусник и тонометр, вернулась на кухню, принялась за диагностику. Но температура оказалось нормальной, давление – тоже вполне космонавтским. А с чего ей так плохо – так и не выяснилось. Хотя даже Родион почувствовал, что хозяйка расхворалась не на шутку, – тут же принялся «лечить»: пыхтя, взгромоздился сначала на маленький стульчик, а с него – перелез ей на колени, уткнулся мокрым носом в руку, словом, врачует изо всех сил, только что не мурлычет...

– И что со мной за ерунда, а, Родь? – спросила Надя собаку.

Родион поднял морду, грустно взглянул ей в глаза, тряхнул башкой: не знаю, мол.

– Может, вирус какой-нибудь? – предположила Надя.

Родя – вот ведь умный пес! – вдруг вытянул переднюю лапу, возложил ее на стол и коснулся градусника.

– Имеешь в виду, что температура нормальная? Значит, не вирус? – обрадовалась Надя.

И тут же, хоть свидетелей их разговора и не было, вдруг застыдилась: ну, что за ерунда – на полном серьезе с собакой беседовать?

– Ладно, Родя. Иди. Иди. – Она аккуратно сняла пса с колен, поставила на пол и даже легкое ускорение носком тапка придала.

Родион обиженно пошлепал прочь, а Надя решила так: чего зря ломать голову? Нужно просто сходить к врачу. Вот и все. Чего, спрашивается, она к Полуянову пристала – кроме знакомых его мамы, других докторов в Москве, что ли, нет? Вон, и по телику реклама постоянно

идет, и в газетах полно объявлений. И медицинские центры, и целители, и все, что угодно. Конечно, придется за консультацию заплатить, и анализы, может быть, какие-то назначат – тоже не бесплатно. Но, в конце концов, не такая уж она и нищая. Даже с библиотечной зарплаты – и то удастся понемногу откладывать, да и мамочкина, царствие ей небесное, сберкнижка до сих в неприкосновенности...

Надя прошла в бывшую мамину комнату, ныне превращенную в гостиную. Как всегда, на секунду задержалась перед портретом – мамуля в веселом, россыпь ромашек, платье и с застенчивой улыбкой.

– Одобряешь идею, мамуль? – тихонько спросила Надя.

И тут же снова себя одернула – что ж она, как психопатка какая-то, то с таксой, то с фотографией разговаривает?

Надя открыла ящик секретера, пересчитала свою заначку – на консультацию врача точно хватит, даже в самом разнаидорогушем медцентре. Снова вернулась в кухню, где на подоконнике всегда валялись бесплатные газеты с рекламой. Открыла, проглядела... Поликлиника «Парацельс»... «Добрый Доктор»... «Айболит 777»... ООО «Альтернативная больница»... Несерьезные какие-то названия. А вот это что? Солидное, в толстой рамке, объявление: «Клиника доктора Блохиной. Весь спектр медицинских услуг. Консультация врача по телефону – круглосуточно, бесплатно. Первичный прием – строго по записи, бесплатно. Телефон...»

Исчерпывающе, строго, по делу.

– Вот сюда и пойду, – обрадовалась Надя.

И тут же потянулась к телефонной трубке.

Родион – он так и не ушел в комнату, крутился подле ее ног в кухне – вдруг занервничал, заскулил. Но Надя не обратила на пса никакого внимания – она уже набирала телефонный номер.

Тем же вечером

Андрей Черкашин

Андрей Борисович Черкашин заказал машину на одиннадцать вечера – нужно было забрать юную подругу, Соню Перепелицыну, с очередного показа.

Время ужасно неудачное, можно сказать, самый разгар рабочего дня – в двадцать три тридцать в его казино проводилась лотерея, а на полночь были заявлены «Пенки» – модная девчачья группешка. Оба мероприятия, безусловно, требовали самого тщательного контроля – и Андрей Борисович очень надеялся, что успеет обернуться быстро и застанет хотя бы лотерейный хвостик. Впрочем, надеяться на юную подругу – дело гиблое. Как и встречать ее после модных показов. Сколько раз бывало – он приезжает точно в оговоренное время, а Соня еще не переодета, шляется в спонсорском платье, с полным сценическим макияжем. И глазами удивленно хлопает: «Ой, папочка, а ты уже здесь?»

Он набрал Сонькин номер – сплошь длинные гудки. Эту манеру девчонка недавно взяла – когда в модных местах оказывается, на его звонки не отвечает. Отговаривается тем, что трубка у нее, видишь ли, кондовая, с такой рассекать – только позориться. Намекает, ясное дело, что пора ей мобильник дарить, – хоть и совсем юное создание, а лапки уже цепкие.

«Ладно. Если сегодня хорошо *послужит* – справлю ей новый сотовый», – решил Черкашин, раздраженно слушая бесконечные гудки.

С Сонькой его свел девушкин менеджер, Марат, – с самыми лестными аттестациями: «Свежа. Умела. Дрессировке поддается», и Черкашин новым кадром был в целом доволен. Мозгов, конечно, у модельки совсем негусто, и характер дурной, взбалмошный, зато ножки,

как полагается, от ушей, да и попка – выше всяких похвал. И энергетика молодая – а в его возрасте это важно, Мао Цзэдун потому так долго и коптил, что у него целый гарем с юными кисочками имелся.

«Хотя я бы с *гаремом* таких, как Сонька, не справился, – усмешливо подумал Черкашин. – И от одной-то сколько шума и треска...»

Да, положи руку на сердце, – и проблем тоже. Один Сонькин менеджер, Марат, чего стоит! Прежде чем заполучить девушку в пользование, Черкашин имел с ним непродолжительную, но емкую беседу, из которой вынес следующее: Сонька – это товар. Качественный, свежий и потому дорогой. Пользоваться товаром можно, но, упаси бог, нанести ему ущерб (варианты ущерба Марат определил такие: во-первых, синяки, подбитые глаза и прочие телесные, во-вторых – беременность, в-третьих – зараза, из тех, что через секс передаются).

Надменный тон, в котором с ним беседовал Марат, Черкашина возмутил – но *условия использования товара* показались вполне разумными. Впрочем, совсем не факт, что финглами (как, впрочем, и залетом, и заразой) Соньку не украсит кто-то другой: девка-то наглая, нет бы сидеть при Черкашине смиренно – глазами по сторонам так и зыркает. Сколько учил ее – от посторонних даже цветочков не принимать – не слушает. Говорит капризно: «Я что-то ж, па-апочка, ду-ура? Как я цветов не возьму – мне ж их от души, за искусство, дарят?!»

Как же, за искусство – нашлась балерина. В этом их модельном мире от души ничего не бывает – все с дальним прицелом. Вот и приходится подбирать непутевую сразу после показов – чтоб не сбежала с очередным «букетчиком». А букетчиков при ветреной Соньке имелось изрядно, и особенно Черкашина некий Илюша бесил. Он этого Илюшу невзлюбил с первого взгляда. Молодой, прыщавистый – натуральный слизняк. Давно бы пора прижать к стенке и поговорить начистоту, да Илюша – видать, хитер и осторожен, никак не удается его припереть. За кулисами не появляется, после показов у служебного выхода не ждет. Приходит со своими букетиками погаными прямо в зал, дождется, пока Сонька по «языку» бедрами провихляет, – и тут же бросается к ней с цветочками. Сонька, ясное дело, сияет и улыбки Илюше дарит самые ослепительные – а тот приложится к ручке и сразу тикать. Вроде и действительно придраться не к чему – может, потому Черкашина этот сопляк так и раздражал. И Соньке об этом он говорил не единожды. Но та, дурында, только радовалась – ее икрой не корми, дай мужиков сравить. Виснет, заглядывает в глаза:

– Па-апуля! А когда вы с Илюшкой за меня дра-аться будете?!

Тьфу, морковина.

Черкашин вздохнул. Иногда, честное слово, про жену – пусть давно увядшую и тусклую, зато преданную – начинаешь думать почти с любовью.

Пропищал интерком.

– Андрей Борисович, машина у подъезда, – пропела секретарша.

Он взглянул на часы – без одной минуты одиннадцать – и еще раз набрал Сонькин номер. Снова длинные, безнадежные гудки. Нет, не хочет Сонька по своей «кондовой» трубке отвечать. Не хочет доставать устаревший мобильник из сумочки от «Прады» за пятьсот евро, его недавнего подарка.

Черкашин вышел из кабинета и велел секретарше:

– Марина, узнай – есть ли салоны связи, которые ночью работают.

– Должны быть, – кивнула та. – А что нужно?

– Нужно, чтобы сюда, в казино, прямо сейчас трубу подвезли.

– Какой фирмы, Андрей Борисович? – наострила карандашик секретарша.

– Не знаю я какой, – раздраженно ответил он. – Выбери сама, какие там у вас, у девчонок, сейчас в моде.

Да, тяжело с юными красавицами.

...Пока водитель быстро и умело пробирался сквозь ночную Москву, Андрей Борисович еще пару раз набрал Сонин номер. Наглых, длинных гудков наслушался вдоволь – и вдруг почувствовал: его начала охватывать ярость. И еще – не самое типичное для его возраста чувство – дикая ревность. Почему она так и не отвечает? Только ли из-за того, что немодного телефона стыдится? А вдруг девчонка опять с другим?! С очередным наглым «спонсором»? Или с этим хмыренком, Ильей, воркует, в потоке его комплиментов плавает?!

«Что ж, сам виноват. Сам так себя поставил, что она считает меня безобидным и смешным. Этаким добрым дедушкой. Рохлей. Безответным папиком, – накручивал себя Черкашин. – Но, может, уже пора? Не пришло ли время показать крошке, насколько она ошибается?»

«Добрый дедушка».

Этот имидж Андрей Борисович ковал годами и теперь тщательно оберегал. Его устраивало, что и Соня воспринимает его *таким* – но ровно до тех пор, пока девчонка не начала, как сегодня, его раздражать.

...А когда Черкашин добрался наконец до ресторана, где проходил показ, и нашел за кулисами Соньку, и она бросилась ему на шею (а в руках – очередной шикарный букет, и губы – припухли, явно от поцелуев), он убедился окончательно: с имиджем «мирного папика» явно пора заканчивать.

Глава 2

Лера Летягина

Все-таки деспот этот Марат: вот приспичило ему, чтобы они с Сонькой медицинские справки получили, – и хоть убейся.

Как Лера ни ворчала, что по врачам ей расхаживать некогда и вообще – она здорова, как конь, – Марат сказал жестко:

– Не хочешь – не ходи. Но тогда и в Италию не поедешь. Сто раз уже говорил: итальянцам нужно убедиться, что с тобой все в порядке. А иначе – приглашение не пришлют.

Так что пришлось тащиться.

Прием Лере и Соне назначили на вторник, к трем. (Нет бы с утра, чтобы школу прогулять!) Марат взялся подхватить их у Пушкина и лично, как съехидничала Сонька, «доставить на бойню».

Лера оделась скромно – к врачам же идут, не на дискотеку. А доктора, по своему занудству, видно, все одинаковые – что платные, что бесплатные. В районной поликлинике, например, подростковая врачиха «шалашовками» ругается, если юбка хоть на сантиметр выше колена.

Соньке же мозгов, как всегда, не хватило: вырядилась, как на свиданку с очередным «папиком», – мини, шпильки, чулки в сеточку и кофта в обтяжку. И раскрасилась, словно индеец, – будто не видит, что когда веки ярко-фиолетовые, то ее нос проблемный еще огромнее кажется. Даже Марат – всегда-то поощрял, когда девушки и в обычной жизни на высоких каблуках ходили, говорил, что тренировка никогда не помешает, – и то на Соньку цыкнул:

– Чего расфуфырилась?

– А вра-ачи? Кра-асавцы, очарова-ашки? – игриво пропела Сонька.

– Тьфу, дура, – фыркнул Марат. – Какие тебе красавцы?! Ты ж в гинекологию идешь, а там одни бабы работают.

– Неправда! – тут же заспорила Сонька. – У нас в районке гинеколог – дядька. Старый, правда...

– Ну, то ж в районке, – снисходительно пожал плечами менеджер. – За их три рубля спасибо, что хоть какого пердуна нашли.

Лера очень любила, когда Марат сбавлял свой вечно раздраженный, командирский тон и начинал разговаривать с ними «по-человечески». И тут же взялась поддерживать светскую беседу.

– Я знаете что недавно в «Молодежных вестях» прочитала? – поделилась она. – В какой-то станице в районные гинекологи вообще бывший зэк пошел. Подделал диплом и устроился.

Мама, кстати, сказала про статью, что это явная «утка». Но Марат – тот заинтересовался, поглядел с любопытством:

– И что?

Как раз подошли к машине; менеджер (явно перед прохожими рисуется) галантно распахнул перед симпатичными спутницами заднюю дверь.

– Полный абзац! – Лера постаралась, чтобы ухмылка получилась циничной. – Зэк этот, гинеколог, ласковый был, заботливый. Полюбила станица у него лечиться. Все доярки в город зачастили, за красивым бельем. А на прием – с шести утра очередь занимали.

– Многих осеменил? – с видом знатока поинтересовалась Сонька.

Тут уж даже Марат – а он к любым словечкам привычный – и то поморщился:

– Да придержи ты, Сонька, язык свой поганый!
Сел за руль, газанул. И снова к Лере обращается:

– Ну, и чем дело кончилось?

– Разоблачили, – вздохнула она. – Комиссия, что ли, приезжала... В общем, уволили зэка. А тетки местные чуть ли не на демонстрацию выходили, когда его выгнали. Пусть, говорят, и без диплома – а врач хороший, помогало его лечение. Хотя пользовал он только травками. Ромашку там прописывал или шалфей...

– Да уж, доброе слово и кошке приятно, – с философским видом заключил Марат. – Мне, что ли, тоже в гинекологи пойти? Вас, овец, у меня много – вот и буду всех осматривать...

Лера с Сонькой дружно фыркнули.

– Хотя на что там у вас смотреть – одни кости, – вздохнул менеджер.

До клиники оказалось два квартала, всего-то от Пушкина до Спиридоновки, чего было зря машину гонять – только что для понтов.

Вот уже и на парковку въехали, и Марат мгновенно посуровел – то бишь заговорил с девушками в своем обычном тоне:

– Все, козы, прибыли. Имейте в виду: место солидное, чтоб тихо мне, не орать, не галдеть.

– Это синонимы, – вдруг вырвалось у Леры.

– Что ты сказала? – прищурился менеджер.

– Синонимы, говорю: «орать» и «галдеть».

– Ладно, не умничай, – буркнул Марат. И посмотрел на нее, пожалуй, даже с уважением – или показалось?

Клиника Леру впечатлила – раньше-то она, как и Сонька, только в районку ходила. С чего это Марат расщедрился – в такие неслабенькие местечки их водить? Ступеньки на входе – мраморные, аходишь внутрь – и вовсе встаешь на зеркальный пол, хоть глядись в него и макияж подправляй. Стены белейшие, а по углам расставлены цветы – ухоженные, будто не в поликлинике растут, а в каком-нибудь миллионерском особняке.

Соньке интерьер, похоже, тоже глянулся – восторженно глазеет по сторонам, теревит Леру за рукав и шепчет:

– Во, блин! Прямо музей...

Один Марат не растерялся. Широким шагом двинул к стойке, оттуда им уже улыбалась медсестра – тоже симпатяжка, такая и сама в модели может сгодиться, если съемки не для «Космо», а для какого-нибудь простецкого «Гламура».

– Валерия Летягина, Софья Перепелицына, – сообщил медсестре Марат. И зачем-то добавил: – Модельное агентство «Стиль и статус».

– Да-да, мы вас ждем, – кивнула медсестричка. И сладко, словно кошка на курятину, замурлыкала: – Девушек примет лично Ирэна Валентиновна, она освободится буквально через десять минут. Проходите, пожалуйста, пока в холл ожидания. Там телевизор, видео, журналы. Госпожа Летягина, госпожа Перепелицына – чай или кофе хотите?

Лера с Сонькой слушали медсестру во все уши: они, видишь ли, у нее не «девушки» и не «девчонки» – а господами стали, подумать только!

– Я выпью кофе, – с достоинством заявила Сонька. – Эспрессо, только чтоб не помои, а крепкий. Сахара два куска.

Лера перехватила надменный подругин взгляд, обращенный к медсестричке, и едва не фыркнула: «Попробовала бы ты так в районке поговорить. С бабками из регистратуры». И вежливо попросила девушку:

– И мне тоже эспрессо. – Потом не удержалась – не просто, как говорил писатель Чехов, «выдавить из себя раба»! – и прибавила: – Если, конечно, можно.

– Разумеется, можно, – улыбнулась медсестра.

Вдавила какую-то кнопку и проворковала:

– В холл ожидания, два эспрессо.

– Как долго девушки будут заняты? – потребовал Марат. – Мне их ждать или как?

– Минуточку. – Медсестричка крутанулась на вертящемся стульчике, оборачиваясь к компьютеру: – Так... Первичный прием, ультразвуковое исследование, блок стандартных анализов... Полагаю, они освободятся часа через два.

– Ни фиги себе! – возмутилась Сонька. – Почему так долго?! У меня в четыре сви... – Впрочем, быстро опомнилась – при Марате говорить о свиданиях было опасно. И жалобно взглянула на медсестру – спеси во взгляде как не бывало: – А нельзя как-нибудь ускорить? Пожалуйста...

– Сожалею, но быстрее, наверно, не получится, – виновато (хотя она-то здесь при чем?) произнесла медсестра.

А Марат оборотился к Соньке и хмуро буркнул:

– Ну-ка, ша тут! Будешь сидеть, сколько надо.

– Да ладно, я ничего, – тут же дала задний ход его подопечная. – Я просто спросила...

– Тогда мы пошли? – обратилась к Марату Лера.

– Валите, – милостиво разрешил менеджер. – Ждать вас не буду, поеду. Сами в агентство доберетесь. Чтобы к семи – как штык были. Опоздаете – штраф вкачу.

– Они успеют, – пообещала Марату медсестра.

А Сонька подождала, покуда менеджер обернется к выходу, и состроила ему в спину страшнейшую рожу. Медсестра – молодец, девчонка, соображает, что к чему – понимающе улыбнулась и пригласила:

– Пожалуйста, проходите в холл.

Под благожелательным взглядом регистраторши Лера с Сонькой продефилировали в «холл ожидания». Тут оказалось еще красивее, чем в приемной – стены обиты деревянными панелями, на полу, совсем по-домашнему, – ковер, по стеночкам – успокаивающие, глубокие кресла.

– Ничего не понимаю... – озадаченно пробормотала Лера.

– О чем ты, крошка? – покровительственным тоном поинтересовалась Сонька.

– Да Марата я не понимаю, – пожалала плечами Лера. – Клиник, что ли, в Москве мало? Зачем он нас в такую дороговую притащил?

– Сама ж все долдонись, что мы с тобой на другой уровень выходим. На более высокий, – пожалала плечами подруга.

– Ну, не до такой же степени! – Лера потерла ладонью подлокотник кресла, понюхала и сообщила Соне: – Кожа-то – настоящая. Знаешь, сколько одно такое стоит?.. Здоровущую кучу баксов. И ковер на полу, кажется, ручной работы...

– Вечно ты всем недовольна, – фыркнула подруга. – А мне вот только одно не нравится: почему нам кофе так долго не несут?..

Лера отметила, что высокомерные нотки в Сонькином голосе достигли апогея – верно, считает, что окружающая красота и есть их теперешняя норма: царственно опустилась в кресло, скрестила обтянутые сетчатыми чулками ноги, утопила острые каблуки в пушистом ковре... «Дурочка ты», – беззлобно подумала Лера. И вежливо поблагодарила вторую медсестричку, прикатившую им столик с двумя чашечками кофе. (Сонька же – та только снисходительно кивнула.)

Лера (хотя и надеялась, что совсем скоро роскошь станет для нее нормой) чувствовала себя не очень-то уютно: будто она здесь – вроде самозванки. Так и казалось, что сейчас шкафохранник подойдет и на выход попросит, да еще и отругает за то, что посмели в такое элитное местечко припереться.

Она осторожно взяла свой кофе (помнится, Марат все учил, что, когда чашку держишь, мизинец ни в коем случае оттопыривать нельзя) и принялась разглядывать прочих пациентов, ждавших своей очереди в соседних креслах.

Все они были гораздо старше, холеные, самоуверенные: тучный мужчина с крошечным ноутбуком на коленях... костистая старуха с сонмом перстней на скрюченных пальцах... двое женщин (хоть по возрасту Лере с Сонькой в мамы годятся, а выглядят – красотками из красоток). Соседи по очереди, мерещилось Лере, поглядывали на них неодобрительно – как на явных чужачек. И только в ближайшем кресле оказалась девушка, к которой Лера почувствовала что-то вроде симпатии – и мгновенно определила: «А вот эта – типа нас. Из простых. И тоже смущается».

Девушка, впрочем, была почти тетенькой: лет тридцать. Пухленькая, в скромном платьице, волосы собраны в «дульку». На коленях книжка – на обложке, стрельнула глазом Лера, писано по-иностранному. Английский, что ли?

Сонька – та тоже пялилась на других пациентов, но, в отличие от Леры, не чинясь, во все размалеванные глазищи – ткнула подругу в бок, скосила глаза на девушку с пучком и прошептала:

– Гля: старая дева к гинекологу пришла!

Шептать у Соньки никогда не получалось, голосище зычный, как у рыночной торговки, и соседка по очереди ее реплику, похоже, услышала – по крайней мере, над книгой склонилась еще ниже и покраснела.

«Ну, сейчас точно: выведут!» – мелькнуло у Леры. Она обернулась к подруге – хотела выдать той все, что о ней думает, – да не успела: в *холле ожидания* возникла медсестричка с рецепции. Подошла к их креслам и обратилась к Соньке:

– Ирэна Валентиновна вас ждет.

Сонька вскочила – царственности опять как не бывало. Выглядит такой перепуганной, будто ее по алгебре отвечать вызвали.

– Кабинет прямо и направо, – проинформировала девушку медсестра. Лере же – виновато улыбнулась: – Извините, пожалуйста, но вам придется еще немного подождать. Все хорошо, ничего больше не хотите?

«В районную поликлинику хочу, – неожиданно подумала Лера. – Где все привычно и понятно: бабки, жалобы и склоки».

Но вслух, конечно, пробормотала совсем другое:

– Спасибо, все замечательно...

Медсестра удалилась, а Лера проводила взглядом Соньку – вихляющая походка подруги смотрелась в интерьере клиники совершенно неуместно – и вдруг услышала:

– Ну и местечко! Как в кино, правда?

– Точняк! – вырвалось у Леры.

Сначала ляпнула – и только потом задумалась: а кто спросил-то? Обернулась – и увидела, что с соседнего кресла улыбается та самая обиженная Сонькой «старая дева». Смотри-ка: хоть и скромница, а разговор завязать не постеснялась. Девушка отложила свою иностранную книжку и продолжила вещать:

– Согласись: кресла из натуральной кожи – это уже перебор.

– Соглашусь, – охотно кивнула Лера. – Тебя как звать?

– Надей, – представилась девица с пучком.

– А я Лера. Точнее, Валерия Летягина. – И в легком нетерпении напряглась: вдруг эта Надя газеты читает? Вдруг вспомнит, что именно Валерия Летягина победила в недавнем конкурсе парфюмерного концерна «Юлиана»?

Но никакой реакции («Ой! Та самая Летягина?!») не последовало, и тогда Лера спросила:

– Ты тоже сюда в первый раз?

– Ага, – кивнула Надя.

– А тебя кто привел? – поинтересовалась Лера.

– В каком смысле «привел»? – удивилась собеседница. – Никто. Сама пришла.

– Лечиться – или тоже за справкой? – не отставала Лера.

– На бесплатную диагностику, – поморщилась Надя. И объяснила: – Я про эту клинику в рекламе прочитала. Там написано, что первая консультация у них бесплатно. Ну, я и пришла на разведку, а тут вот что оказалось... – Она беспомощно улыбнулась.

– Ну, и что ты думаешь? – улыбнулась Лера.

– Вот то и думаю – может, не дожидаться уж консультации? Сразу уйти?

– Да ладно, сходи уж, раз пришла. Все равно халява, – посоветовала Лера. Прозвучало в духе Соньки – то есть покровительственно. – Время-то все равно уже потратила...

– А смысл? – пожала плечами Надя. – Наверняка ведь какое-нибудь лечение назначат, платное. По здешним, высочайшим стандартам. То есть дорогое. А я, – она понизила голос, – в библиотеке работаю, так что сама понимаешь...

– Понимаю, – сочувственно кивнула Лера.

Вот странно: обычно-то она и взглядом не достаивала таких девиц, как эта Надя, – с английскими книжками на коленках и тем паче с волосами, собранными в пучок. Соглашалась с Сонькой – та подобных скромниц именовала не иначе как «насмешкой над женским полом». А зачем общаться с «насмешками», когда кругом полно нормальных, стильных девчонок?

Но тут, поди ж ты, целый разговор завязался. Потому, видно, что есть в этой Наде что-то располагающее. Может, глаза – которые смотрят с дружелюбным, искренним интересом? Или улыбка – мягкая, захватывающая все лицо (в их-то модельном кругу все одними губами улыбаются)?

– Ты учишься? – спросила между тем Надя.

– В школе, – поморщилась Лера. И тут же добавила: – И работаю. В модельном агентстве.

– Как интересно! – тут же заинтересовалась «старая дева». – Скажи: это сложно?

– Сложно, – кивнула Лера. Она не переставала удивляться: вот эта Надя прикольная! Мозги у нее как-то по-особому работают. Обычно-то, как скажешь, что ты из модельного бизнеса, – о чем угодно спрашивают: про гонорары, и нужно ли спать со спонсорами, и дарят ли бриллианты. Но никогда – *про саму работу*.

А Надя между тем продолжала ее удивлять. С неприкрытым любопытством вопрошает:

– А что самое-самое сложное?

Лера метнула быстрый взгляд на Надины ноги, обутые в простецкие сандалеты на плоском ходу, и едва не ляпнула: «Сложней всего – на высоких каблуках ходить». А Надя тем временем просит:

– Только честно, ладно?

И Лера, хоть Марат и учил, что «правду-матку только дураки режут», ответила, как есть:

– На самом деле очень сложно – быть второй. Ведь Гран-при – только один бывает. И страшно обидно – когда у подружки корона, а у тебя – всего лишь поощрительный приз...

– А я думала, второе место – тоже победа, – удивилась Надя. – Разве «вице-мисс» быть плохо?

«Ясное дело: самой тебе даже *вице-мисс библиотеки* сроду не стать, – мелькнуло у Леры. Впрочем, она тут же себя отругала: – Что же я за злыдня такая!» И ответила:

– Нет, Надя. Все эти «вице-мисс» – полная туфта, корзинку цветов подарят – и до свиданья. А перспектив – никаких. Представления в модельные агентства – в смысле, не в наши, а в западные – дают только той, кто главный приз ухватил. – Не удержалась и добавила: – Кстати, один Гран-при – у меня уже есть.

– Супер! – воскликнула Надя. – Какая ты молодец!

А Лера вновь поглядела на нее изумленно: первый раз она такое встречает. Чтоб незнакомка искренне да от души порадовалась твоим успехам. Неужели у Нади никакого, как это называется, женского тщеславия нет? Сидит, вся из себя такая скромная, скучная, особенно по контрасту с ней, Лерой, – но, вместо того чтобы злобствовать и завидовать, смотрит совсем не злыми, но восторженными глазами...

И у Леры вдруг вырвалось:

– А хочешь, я тебя как-нибудь на свой показ позову? – И честно добавила: – Не в «Метрополь», конечно, меня пока туда не приглашают, но тоже в какое-нибудь достойное место...

– Конечно, хочу! – обрадовалась Надя. И тут же наградила ее еще одним, считай, комплиментом: – Очень интересно будет посмотреть, как ты перевоплотишься. В женщину-вампа, наверно?..

«Вамп» из Леры, как уже неоднократно пенял ей Марат, пока не получалось – движения, видите ли, угловатые и походка временами «пацанская». Но Надя-то – не менеджер-злыдень, упрекать вряд ли будет.

– Тогда давай, я твой телефон запишу, – предложила Лера. – И позвоню, как будет что-нибудь интересненькое.

– Давай, – кивнула новая подруга. Вытащила из сумочки – ну и кошмар, настоящий бабушкин саквояжик! – блокнотик с ручкой и аккуратным (а какой еще может быть у библиотечной девицы?) почерком записала два номера: домашний и рабочий. Пообещала: – По одному из них – обязательно меня застанешь.

– А сотовый?

– А у меня его нет.

«Даже мобильника нет!» – ахнула про себя Лера. Но от комментариев на этот счет воздержалась.

А тут и Сонька появилась – бедрами-то по-прежнему вихляет, только глаза грустные.

– Ну, как? – кинулась к ней Лера.

– Хреново, – хмуро откликнулась подруга. – Тут такая фигня обнаружилась... – она с размаху плюхнулась в соседнее кресло.

Но выслушать про «фигню» Лера не успела – к ней уже спешила медсестричка с рецепции:

– Простите за долгое ожидание, Валерия Павловна... Ирэна Валентиновна готова вас принять.

Лера встала.

– Подожду, пока подгребешь, – кивнула ей Сонька.

– Ты ж на свидание спешила! К четырем! – удивилась Лера.

– Насрать, – буркнула подруга. И – вот уж нетипично! – хлюпнула носом. Неужели реветь надумала?..

– Пойдемте, пожалуйста, Валерия Павловна, – вежливо повторила медсестра.

– Да-да. – Девушка поспешила за ней.

И, уже в спину, услышала возглас Нади:

– Удачи, Лера! Звони!

И сердитый комментарий злыдни-Соньки:

– О, да, достойную ты подружку нашла...

Спеша по коридору вслед за медсестрой, Лера успела оглянуться и увидеть, как Сонька бесцеремонно ощупывает ее новую знакомую пренебрежительным взглядом.

В то же самое время

Илья Казарин

Стрелка уличных часов сдвинулась на четверть пятого, и он почувствовал: свет меркнет. Меркнет с каждой минутой.

Вокруг расстился такой же, как утром, беспечный, солнечный день. Голубело небо, буйно чирикали воробьи, прохожие, разморенные и добрые от весеннего солнца, через одного улыбались. Но среди них, десятков текущих мимо расслабленных лиц, он тщетно пытался увидеть одно-единственное. Самое нежное, самое милое, самое опьяняющее...

Илья заворожено переводил взгляд с уличных часов – на бесстрастного Пушкина. С веселой, пенящейся вокруг памятника толпы – на все новые лица, выплывающие из подземного перехода... Среди них было много женщин. Очень много. Юных, молодых, зрелых, старых... Но Соня так и не появилась.

– Травы нужна? – вдруг раздалось в ухе.

Илья встрепенулся, вздрогнул, непонимающе уставился на мелкого, лет двенадцати, пацана. Переспросил:

– Что-что ты сказал?

Его отчего-то охватила дрожь, плечи заколотило, зубы застучали.

Юный дилер перехватил его взгляд, понимающе ухмыльнулся:

– М-да, дядя. Ты, похоже, и без травы псих.

И, будто растаяв в воздухе, отвалил.

А Илья, без злости, без обиды, подумал: «Мальчик прав. Да. Я – псих. Невменяемый. Полный. Но не всегда. Не целый день кряду. А только сейчас. Когда времени (сотый, наверно, взгляд на часы) уже тридцать пять пятого, а Сони все нет. И, наверно, она уже не придет. А я, как обычно, даже не решаюсь ей позвонить...»

Месяц спустя

Дима Полуянов

Корреспондент газеты «Молодежные вести» Дима Полуянов с отвращением прихлебывал дрянной кофе (у девчонок из секретариата разве хорошего допросишься?!) и проклинал рекламный отдел и всех служащих в нем бюрократов. Что за косные, помешанные на идиотских бухгалтерских правилах, люди! Ну, не успела компания «Муркас» оплатить свою четверть полосы – так зачем сразу макет-то снимать? Простили бы уж, напечатали рекламу в кредит – так нет ведь, блюдут, как сказали, «финансовые интересы газеты». Картинку с благостными кошечками и призывом кормить зверей кормом «Муркас» безжалостно сняли. И вот ситуация: через два часа номер в печать подписывать, а на четверть полосы, извините, – полная лысина. Выпускающий редактор лезет в «загон» – то бишь на склад залежавшихся материалов – и приходит в ужас: ничего достойного высокой планки «Молодежных вестей» не находится. Ну а дальше ясно – бросаются за ним, Полуяновым, вечной «палочкой-выручалочкой». Вырывают уставшего за рабочий день человека практически с порога лифта. Просят войти в положение, льстят («у нас только ты за полчаса можешь новость придумать!»), сулят золотые горы и бидон вкуснейшего кофе. И прощай нормальный, как у людей, вечер трудного дня – вместо дивана

и телевизора торчи в надоевшем за день кабинете. Пялься в компьютер, хлебай плохенький – даже тут обманули – кофеек и напрягай мозги.

– Давай, Димуль, сооруди что-нибудь на скорую руку – но классное... типа как ты тогда про гинеколога придумал, – попросил выпускающий.

(Очень, помнится, хвалил на летучке Диминоу заметку про гинеколога-зэка, якобы работавшего врачом «в одной из станиц Краснодарского края».)

Но про гинеколога тогда придумалось само – застрял в пробке, пока ехал домой, и от скуки нафантазировал. А утром записал и отдал в секретариат. Но сейчас-то – дело совсем другое. Разве «в неволе», да когда сроки поджимают, достойную «новость» склепаешь?

Вот и сиди: глазей в пустой, только курсор мигает, экран, кривись от гадостного кофе и злись на взбалмошную газетную работу и на судьбину в целом...

«Надьке Митрофановой, что ли, звякнуть?»

Полуянов давно заметил: подруга детства Надя Митрофанова действует на него благотворно. Нет, от ее компании никогда не встрепенется сердце, и подвиги в ее честь совершать тоже не тянет. Надьку одновременно и жалко, и мораль ей хочется прочесть – чтоб ценила себя повыше, одевалась поинтересней, а то ходит в своих вечных юбках ниже колена – настоящая библиотечная крыса. И скучно с ней бывает – как возьмется на здоровье жаловаться или про свою таксу, Родиона, целые поэмы слагать. Но, с другой стороны, пообщаться с Надюхой – будто бы в море искупаться: сразу чувствуешь себя посвежевшим, счастливым и сильным. Есть в ней какая-то, как сейчас говорят, «положительная энергетика». С виду – «обычная батарейка», а на деле – настоящий «Энерджайзер». Заряжает. Сколько раз уже замечал: мозги начинают лучше работать после того, как они с Надькой кофейку попьют. Или хотя бы по телефону поговорят. Может, она и сейчас его расшевелит?

Полуянов придвинул к себе телефонный аппарат и по памяти отщелкал Надин домашний номер. Однако прошло целых девять гудков – а трубку так и не сняли. Дима удивленно взглянул на часы – где, интересно, Надюха шляется в начале десятого вечера? В библиотеке своей, что ли, во вторую смену засела?

Не поленился – набрал и рабочий: тоже глухо.

«Загуляла», – иронически подумал он. И фыркнул: загул и Надюха – понятия, увы, несовместимые. Потом вспомнил: «Вроде в прошлый раз она что-то ныла, что чувствует себя плохо. И выглядела чахленько. Неужели разболелась? Но, позвольте, – если болеет, тем более должна дома сидеть. Не в больницу ж ее забрали?!»

И тут Дима поймал себя на неожиданной мысли: да он, оказывается, беспокоится! И о ком – о скромной библиотечкарше Митрофановой! «Неужели действительно в больницу попала?... Ведь когда мы с ней встречались, месяц назад, – и правда кисла, просила врача ей найти – а я только поржал. Посоветовал кубинскими сигарами здоровье укреплять».

Настроение окончательно ушло в ноль. «Хоть бы мобильник себе завела, зануда, – сердито подумал Полуянов. – А то ведь и не знаешь теперь, где искать...»

И пообещал самому себе: «Встретимся в следующий раз – обязательно Надьке сотовый подарю. И пусть только попробует отказать!.. Но куда она могла пропасть, а? Ведь явно ж – не в баре, не в казино, не на концерте и уж тем паче толстушка наша не в спортивном клубе...»

И вдруг – его осенило. Нет, никаких мыслей, как разузнать про Митрофанову, в голову не пришло. Но вдруг, неожиданно и непонятно, откуда ни возьмись в голове сложился сюжет. Та самая «новость», которую так ждал от него выпускающий редактор.

Полуянов придвинул к себе клавиатуру и весело забарабанил по клавишам:

«Пожилую библиотечкаршу похитили инопланетяне?

Елена Ц., 53-летняя библиотечкарь с Урала, исчезла из дома три дня назад...»

В то же самое время

Надя

А Надя в это время проводила один из самых нетипичных вечеров в своей жизни – она была на великосветском приеме. Настоящем – со строгим фэйс-контролем, черной икрой в хрустальных вазочках и дамами в роскошных туалетах.

На прием ее вытащила новая подружка – Лера Летягина. Позвонила накануне и разлилась соловьем: что мероприятие будет дорогое и очень модное. Что гости соберутся – сплошь элита. «Ну, и на меня посмотришь, ты ведь хотела! Я вечерние платья буду демонстрировать».

Надя, конечно, пыталась отказываться, но Лера, хоть и пигалица, проявила неожиданное упорство: «Наденька, ну, пожалуйста! Приходи! Я очень жду!» И, на закуску, совсем уж неоспоримый аргумент: «Ты ведь теперь моя подружка!!!»

Припомнить, с каких это пор они с Лерой подружки, Митрофанова не смогла. Ну, поболтали в приемной клиники, ну, дала Надя Лере свои телефоны – так ведь уже и думать забыла про забавную, зазнаистую фотомodelьку!

И вдруг спустя месяц – юная красавица нарисовалась. И какой настырной оказалась...

– Надечка, тебе правда – очень-очень понравится! – щебетала Лера. – Знаешь как клево будет! Я и знаменитостей тебе покажу, и наше закулисье, и шампанское на халяву сколько хочешь пить можно...

– Это, конечно, неоспоримый аргумент, – фыркнула Митрофанова.

– Чего? – опешила Лера.

– Ладно, приду. Уговорила, – вздохнула Надя.

И действительно, на прием пришла, а теперь не уставала удивляться – самой себе. И чего это на нее вдруг нашло: всю жизнь сходилась с людьми еле-еле, а тут вдруг дружбу завела – и с кем? С юной, чуть не в дочки годится, девчушкой. И ладно если б девочка была, скажем, умненькой студенткой или хотя бы пытливей, влюбленной в литературу школьницей, так нет же – фотомодель. Подающая надежды Лера Летягина. Вся в восторге от собственной смазливой мордахи и в мечтах о грядущем «бриллиантовом будущем». Так себя любит, что только и щебечет о всяких показах-макияжах-ракурсах... И что между ними может быть общего?!

Не зря ж Лерина подруга, Соня, злобствует и, не чинясь, спросила, едва увидела Надю за кулисами: «Ты чего сюда приперлась? Лесбиянка, что ли?! Лерку соблазняешь?»

Митрофанову аж в краску бросило от такого вопроса. Спасибо, Лера – вот уж языкастая не по годам! – выручила. С достоинством ответила своей наглой приятельнице:

– Да, Сонечка, я Наде нравлюсь. А тебе что, завидно?

Сонька немедленно ступевалась, пошлепала прочь, а Лера – фыркнула вслед посрамленной подружке:

– Ей, значит, по лысым папикам да по разным психам шляться можно. А мне с умными людьми дружить нельзя...

Надя даже растрогалась – и из-за того, что ее причислили к умным, и из-за слова «дружить».

Впрочем, какая там у них с Лерой дружба, если они всего во второй раз в жизни видятся... Но на приеме оказалось действительно интересно, даже если в нем и не участвовать, а только из-за кулис наблюдать.

Модный показ втиснули меж выступлением вертлявой певички (Надя видела ее первый раз, но сказали, что она «звезда») и горячим (обещали перепелов под соусом бешамель).

– Сорок минут по «языку» ходить будем, – проинформировала Лера. – Я целых семь платьев показываю!

– А откуда лучше смотреть? – загорелась Надя.

– А откуда хочешь. Или отсюда, из-за кулис, или в зал иди, уже не выгонят, раз внутрь прошла.

Надя, конечно, предпочла остаться за кулисами. «Под защитой» новой подруги. Притулилась в уголку и принялась наблюдать за все прибывающими Лериными коллегами. Такой оказался паноптикум – особенно если «изнутри», а не со стороны сервированных французским шампанским столов смотреть.

Наде раньше казалось, что эти модели-манекенщицы – все на одно лицо, одна сплошная смазливая блондинка... Но при ближайшем рассмотрении картинка вышла куда более выпуклой, интересной и, прямо скажем, – повышающей ее собственную самооценку. Митрофанова обнаружила, что неземная красота на самом деле – процентов на восемьдесят – труд всяких стилистов-макияжистов, а вовсе не собственная заслуга девчонок. Не уставала удивляться, пока смотрела, как модельки, еще в цивильном и без раскраски, собираются перед показом. У одной – зубы подкачали, у второй – прыщей изрядно... И фигуры модельные – тоже, прямо скажем, оставляют желать лучшего: у кого талии нет или ножки излишне тонкие, натуральная косуля, а грудь – вообще в половине случаев отсутствует полностью. Надя даже не удержалась, сказала Лере:

– Я-то думала, все модели и в обычной жизни красавицы. А на самом деле – смотреть не на что. Одна ты – и в джинсах хороша.

Лерочка от комплимента нескрываемо расцвела. Но ответила грубовато:

– И правда, что ли, – кадришься? Не зря, значит, Сонька тебя в лесбиянки пишет?

Надя тут же потупилась, а Лера расхохоталась:

– Да ладно, не обижайся! И привыкай. У нас тут всегда так – «без церемониев».

И предложила:

– Показ только через час начнется. Сходи, правда что, пока в зал, чернушкой подзаправься...

– Чем? – не поняла Надя.

– Ну, ты и девственница! – покачала головой соплюшка Лера. – Черной икры, говорю, пойди поточи, пока не размели. И мне пару тарталеток приволоки.

– Да ну, – нахмурилась Надя, – я лучше здесь побуду...

– Смущаешься, что на тебе вечернего платья нет, – тут же разгадала ее Лера. И пожала плечами: – А, между прочим, – зря. Вот смотри. – Она подтащила Митрофанову к кулисе, слегка раздвинула плотные портьеры: – Кое-кто – и правда расфуфырен, не спорю. А видишь – две девки в джинсах? А еще одна – и вообще в клетчатых штанах. А вон бабуленция, суций кошмар – в платье с начесом?! И ничего, у самой икры стоит, никто ее не гонит. Или вон, глянь: чудик с букетиком. Вообще одет, как чмо. Рвань. Это, кстати, Илюшка, Сонькин хахаль. И тоже на бутеры нацелился!

– Да не хочу я никакой икры, – поморщилась Надя.

– Зато я хочу, – отрезала Лера. – Прошу ж тебя: принеси и мне. Нам только после показа в зал можно – а тогда уж точно ничего не останется.

Увидела, что Надя продолжает хмуриться, – и сбавила тон на просительный:

– Ну, Надечка, ну, пожалуйста! И сама поешь, и о друзьях позаботишься! А у нас тут все равно сейчас дурдом начнется – вон, видишь, платья уже несут, и визажисты пришли, тебе даже сесть будет негде...

– Ладно, – пожала плечами Надя.

В конце концов, она черной икры уже лет десять не ела. Не те доходы. А тут, раз уж и вправду бесплатно...

Помахала Лере и пошла в зал.

По пути решила завернуть в «удобства» – проверить, как смотрится косметика (обычно-то Надя почти не красилась, а сегодня, в преддверии приема, и тон наложила, и губы ярко-красным нарисовала, и теперь волновалась – вдруг все успело размазаться?!).

Туалет нашелся легко – одностворчатая дверка с буквой «Ж» и грозной табличкой «Только для персонала». «Будем считать, что я – персонал, – решила Надя. – *Персональный сопровождающий фотомодели Леры*».

Деликатно постучала – из туалета не донеслось ни звука – и распахнула дверь. Да уж, действительно «для персонала» – крошечный предбанник с раковиной и единственная кабинка. Дверь в кабинку призывно полуоткрыта. А в образовавшейся щели валяется туфелька. Туфелька с претензией – красного бархата, со стразами, и размер не маленький – не меньше тридцать девятого, на дылду. Явно кто-то из красочных птичек модельного мира потерял.

Надя пожала плечами: странные они, эти модельки. Ладно бы губную помаду в туалете забыть – но обувь?! Может, подобрать – и отнести за кулисы, с кличем: «Чей туфля?» Впрочем, Надя представила, как толкается меж надменными девицами и каждой предъясняет обувку, а те только надменно плечиками пожимают, – и поднимать туфельку передумала. Добрые дела в этом мире, похоже, наказуемы. Пусть модельки сами разбираются.

Она обернулась к огромному, странному для служебного туалета, зеркалу, приблизила к нему лицо. Макияж, на удивление, оказался в полном порядке, Надя под всеми углами рассмотрела себя и осталась довольна. Только вот проклятая туфля мешала – все время «в кадр лезла». А Надя, проклиная собственный нерешительный характер, все продолжала мучиться: подобрать? Не подобрать?

Принять решение не успела – дверь в туалет распахнулась (без всякого, конечно, интеллигентного стука). На пороге показался хмурый, с золотой цепью, мужик – Надя уже знала, что это Марат, Лерин и Сонин менеджер.

«Мог бы и подождать, пока я выйду!» – возмутилась Надя. Но делать замечание, конечно, не решилась – просто демонстративно отвернулась от нахала.

Марат мельком взглянул на Надю, застывшую перед зеркалом. Буркнул под нос: «Пардоньте». Бесцеремонно отшвырнул попавшую под ногу красную туфельку. И распахнул дверь непосредственно в туалетное помещение. А Надя, оцепенев, так и стояла перед зеркалом.

– Твою мать, – вдруг услышала она растерянный голос Марата.

Скосила глаза – и вскрикнула.

Туалетная кабинка оказалась занята.

В ней полулежала Лерина подруга Соня Перепелицына. Тело привалилось к унитазу, ноги беспомощно вывернуты, одна – босая, на второй – такая же, как валяется в предбаннике, красная туфелька. Голова нелепо откинута, изо рта – стекает струйка крови.

Надя снова закричала. И со всех ног кинулась прочь. Но, едва выпрыгнула за порог, как на плечо упала тяжеленная рука Марата.

– А ну, притормози, чмара, – грубо велел ей он.

Надя растерянно взглянула на него, и в голове пронеслось: «Вот и сходила я на великосветский прием...»

Глава 3

Дима Полуянов

Когда Дима выруливал в своем псевдорепортаже на последний абзац, у него зазвонил мобильный телефон. Он досадливо допечатал предложение: «...Хотя злые языки в поселке поговаривают, что Елена Ивановна увлеклась *спиртным*, а потому могла элементарно утонуть в речке...» И только тогда глянул на дисплей. Номер высветился мобильный, но совершенно незнакомый. Полуянов секунду поколебался – брать? Не брать? – но потом любопытство победило: а вдруг это какая-нибудь полузабытая кисочка звонит, и проблемы, где провести остаток вечера, отпадут сами собой. Выругавшись (сбивают с мысли, паразиты!), он нажал на зеленую кнопку.

– Дима, это ты? – раздался в трубке голос Нади Митрофановой. Звучал голос подруги детства весьма подавленно.

– Йа-йа, фольксваген, – весело откликнулся Полуянов.

– Дима, мне нужна твоя помощь.

«Если уж Надька звонит, да вечером, да по чужому мобильнику – значит, и в самом деле что-то случилось».

Тон журналиста стал серьезным:

– Что с тобой?

– Тут человека убили, – прошелестела Надя и взрыгнула.

– Где «тут»? Какого человека? Откуда ты звонишь?

– Я была на приеме, в «Континентале», меня пригласили за кулисы, на показ моды, а тут убили одну девушку, модель...

– Подожди-подожди.

«Какую-то ересь Надька несет! Она что, по моему рецепту «Моёта и Шандона» перепила?»

– Говори ты толком! Ты – и вдруг на приеме? На каком еще приеме? Какие кулисы? Какая модель?

– Ладно, Димочка, – вздохнула Надя, – некогда тебе объяснять. В общем, если сможешь, приезжай. Ресторан «Континенталь». Тут милиции полно. И секьюрити. Меня допрашивать, наверно, будут.

– Да? Так ты меня не разыгрываешь?

– Ты с ума сошел! – истерически выкрикнула Надя. Дима никогда еще не слышал, чтобы она разговаривала с ним (да и с кем бы то ни было) столь заполошно.

– Вот теперь я все понял, – утешающе проговорил он. – Еду.

Не успел положить трубку, как в голове пронеслось: «Убийство модели в ресторане «Континенталь» – это ж какая тема!» Надо мчаться, и немедленно!

Но срочные обязательства перед родной газетой были все-таки важнее, чем судьба Надьки, – и даже важнее, чем будущая сенсация. Скрипнув от досады зубами, Полуянов вернулся к тексту и изящно закруглил его: «...Однако многие в поселке уверены, и не без оснований, что библиотекаршу опять похитили инопланетяне».

Он не стал перечитывать заметку – некогда! – просто перекинул из личного компьютера в общередакционную директорию «набор в номер», а затем вылетел из кабинета. По пути к выходу заскочил к выпускающему:

– Серега, заметка у тебя в папке...

- Ага, я уже начал читать.
- Не в этом дело. Я нарыл сенсацию. Оставь мне сто пятьдесят строк в номере.
- Где я тебе такую дыру найду? Рожу, что ли?
- Скинешь на фиг эту мою лажу про инопланетян.
- Але, гараж! Мы через полтора часа подписываемся! Ты охренел?
- Давай, я тебе прямо сейчас заголовок скажу. И врез. И ты все поймешь. А остальное продиктую по сотовому через час стенографистке дежурной.
- Ну?
- Записывай. Заголовок такой: СМЕРТЬ НА ПОДИУМЕ. А лид⁴: «Вчера в Москве, прямо за кулисами модного показа в ресторане „Континенталь“, была убита – нет, лучше – зверски убита модель. Нет, не так: известная супермодель».
- Что, правда? А на ленте ничего нет.
- У меня свои источники информации.
- Тогда это интересно, – глубокомысленно изрек выпускающий. – Но если через час у меня в компьютере не будет заметки, в номер пойдет твоя ахиня про инопланетян.
- С тебя бутылка! – Дима хлопнул выпускающего по плечу и понесся к выходу: бегом, бегом, бегом!

Лера Летягина

Когда все вечера сидишь перед теликом, убийства тебе не в диковинку. Мертвых тел, по крайней мере, на экране, Лера перевидала во множестве, так что была уверена – столкнись она с трупом в реальной жизни, нимало не растеряется. Эка невидаль: покойник! Тут главное – вести себя сдержанно и, как это слово-то будет, – во, компетентно. Пока прочие нервные граждане станут рыдать и хвататься за голову, нужно приметить и людей подозрительных, и обстоятельства настораживающие, а то и улики какие самолично установить. А потом, когда приедут очаровательные опера в кожанках (в кино милиционеры всегда выглядели шикарно, а в жизни Лера с ними пока не сталкивалась), – разговор между ними пойдет, считай, на равных. Красавцы сыщики внимательно выслушают ее подробный рассказ, зададут вежливые уточняющие вопросы – и горячо поблагодарят за помощь следствию.

Но когда в ее жизни случилось убийство реальное, оказалось, что выглядит оно совсем по-другому.

...Лера занималась самым сложным – клеила накладные ресницы, – когда из коридора вдруг донесся ужасный крик. Слов сквозь двери гримерки было не разобрать – слышно только, что орут двое. Мужчина, как положено сильному полу, нападает. А женщина – в ответ, похоже, плачет. И оба голоса девушке показались знакомы.

Она чертыхнулась, отшвырнула коробочку с ресницами, вскочила...

– Лера, через двадцать минут твой выход! – тут же кинулась к ней Валька-гримерша.

Готовность «плюс двадцать» – это плохо. Ей на одни ресницы десять минут надо. И потом еще краситься. Но нельзя ж позволить, чтобы Марат Надьку совсем изничтожил?! Ведь, хоть и новая, а подруга...

– Две секунды, – пообещала Лера гримерше. И выскочила в коридор.

И тут же поняла, что двумя секундами она никак не обойдется. Потому что оказалось: Марат уже не просто вопит. А схватил несчастную Надьку за плечи и трясет ее, будто она солонка с солью на самом доньшке. Ну а новая подружка, овца овцой, ясное дело, вырваться даже и не пытается. Только хлюпает носом и блеет жалобно:

– Прекратите! Отпустите меня, пожалуйста... Я ни при чем! Я туда случайно зашла...

⁴ В журналистике: краткое изложение события.

Лера от дикой картины даже растерялась – так и застыла на пороге гримерки, за спиной уже дышат остальные девчонки, тоже на Маратов ор подтянулись.

– О-о, ка-кие тут страсти! – выглянула из-за Лериного плеча Ленка, коллега и задавака. – Как Маратик наш возбудился! Ты, ла-апуля, у нас что – геронтофил?..

– Марат, отпусти ее!! – наконец выкрикнула и Лера.

Но реплика прозвучала тихо – нет, увы, у нее привычки на Марата покрикивать.

Впрочем, менеджер ее услышал. Вскинул голову – глаза дикие, волосы встрепаны. Послушно отпустил – нет, даже отшвырнул Надю, так что та еле на ногах удержалась. И тут же бросился к Лере и остальным девушкам. Орет – еще громче, чем на Надюху:

– А ну, все в комнату! Назад, я сказал!

Девушки послушно – повиноваться крику все приучены – отпрянули. Одна Ленка – не зря, видно, говорят, что на нее французский дом моды глаз положил, иначе б не хамила, – фыркнула:

– Да пошел ты! – И выскочила из-за Лериной спины, оказалась лицом к лицу с Маратом.

– А ну, коза, геть отсюда! – попер на нее Марат.

– Отвали, дядя, – надменно (ну, теперь уж просто очевидно, что другого себе менеджера нашла) сказала Ленка.

Тут, раз бунт на корабле все равно начался, и Лере прятаться было негоже – Надьку-то она сюда привела, приходится защищать.

Девушка ловко, хоть и на каблуках, обогнула Ленку с Маратом (менеджер пытался ее перехватить, да ей удалось увернуться) и кинулась к подруге:

– Надя! Наденька, что случилось?

– Там... там... – прошептала Надька. И судорожно затыкала пальцем в сторону туалета.

– Стой, Валерия! – донесся ей в спину рык Марата.

И Надька, против всякой логики, тоже вдруг пропищала:

– Не ходи туда...

Но Лера, конечно, поступила по-своему. До туалета-то всего два шага. Она бросилась к двери, распахнула ее – и застыла на пороге. И тут же поняла: сериалы да фильмы насчет убийств врут. Потому что ни в каком кино она такого не видела – чтоб на лице покойника (а то, что Сонька мертва, с полувзгляда видно) застыла беспечная, умиротворенная улыбка.

...А дальше все завертелось отчаянно и бестолково. Какой тут сбор улик, какое «компетентное» поведение? Подоспел Марат, грубо – сразу видно, на Надьке натренировался – ухватил за шкирман. Поволок обратно в гримерку. Ему на помощь неожиданно, будто и не скандалили только что, пришла Надежда: принялась уговаривать остальных девчонок, так и толпившихся в коридоре:

– Не стойте тут, пожалуйста. Пойдемте в комнату...

– Да че стряслось-то? – потребовала Ленка.

Возвращаться в гримерку она и не думала.

– Я расскажу, – пообещал Марат. – Только в комнату зайди.

В общем, согнали-таки всех обратно – кого уговорами, кого силой, и кое-кто, самый нелюбопытный, даже к зеркалам вернулся – показ-то еще не отменяли, так что краситься по-прежнему было надо.

Марат откинул со лба прядь встрепанных волос и объявил:

– Девушки, случилась большущая фигня. Даже, типа, несчастье. Короче, Сонька Перепелицына мертва.

«Она лежит в туалете и улыбается», – добавила про себя Лера.

Пауза в ответ получилась, как это школьная литераторша говорит, – воистину мхатовской, у девчонок, даже у задаваки Ленки, только рты пораззявились. Ну а потом, конечно, началось:

– Сонька?! Как? Где?! Что с ней случилось?
– Судя по всему, Соня убита. Ее труп находится в служебном туалете, – официальным тоном сообщил Марат.

– И кто же ее убил? – вдруг вырвалось у Леры.

Впрочем, об опрометчивом вопросе она тут же пожалела. Потому что Марат наградила ее подозрительным взглядом и заявил:

– А вот это, девушки, вам виднее. От вашей гримерки до туалета – полшага.

– Что... что ты имеешь в виду? – задыхнулась Лера.

– Ты нас, что ли, подозреваешь? – взвилась и Ленка. – Совсем охренел?! Мы тут – все вместе, друг у дружки на глазах. А вот ты сам-то где был?!

– Все, дамы. Дискуссия закрыта, – буркнул Марат.

Развернулся и двинул прочь из гримерки.

– Нужно милицию, наверно, вызвать... – вдруг встряла прежде молчавшая Надя.

– Не волнуйся, – обернулся к ней Марат. – Будет тебе милиция.

Он вытянул из кармана мобильник, но, прежде чем щелкать кнопками, повелел:

– Пока менты не приедут – отсюда никому ни шагу, всем ясно?

– А что с показом? – вдруг поинтересовалась Ленка.

Вот ледыха – да разве ж тут можно о показе думать?!

Даже кремень Марат – и тот растерялся:

– С показом?..

– Ну да, – пожала плечами Ленка. – Вообще-то нам через семь минут на «язык» выходить.

Марат взглянул на часы:

– Да, правда...

«Совсем, оказывается, наш Марат и не каменный», – удивленно подумала Лера. Впрочем, менеджер взял себя в руки быстро:

– С показом – так: пока отложим. До милиции. А дальше видно будет.

Ленка только плечами пожала: на кислой морде читалось – «чего откладывать-то из-за такой ерунды?».

Но Марат уже не обращал на нее внимания – поковылял прочь из комнаты. На ходу набирал телефонный номер – короткий, всего из двух цифр: «02».

* * *

...Менты заполнили их гримерку в «Континентале» очень быстро – Лера с девчонками только и успели: выслушать жуткий Надин рассказ да еще раз поахать. (Надька, пока девочки ужасались, попросила у Леры мобильник, отошла в сторонку и кому-то позвонила.)

Сыщиков оказалось четверо – все уже деды, явно за тридцать, и далеко не красавцы. И никаких, как в кино часто показывают, мгновенных разоблачений или чудес дедукции не продемонстрировали: велели делать то же самое, что Марат еще раньше сказал, – сидеть тихо и из гримерки не высовываться.

Ленка – совсем девица без тормозов! – снова встряла со своим вопросом, будет ли сегодня показ, и опять ей не ответили. Только повторили, чтобы никто из комнаты не отлучался, – а дальше им все скажут.

– Мы обязательно поговорим с каждой из вас, – пообещали менты.

И выкатились из гримерки – хорошо хоть дверь на ключ не закрыли.

– А я в туалет хочу... – пропищала им в спину худосочная Наташка.

Милицейские даже кочаны голов не повернули, и Наташке вместо них ответила Ленка:

– Так сходи, туалет рядом! Только Соньку отодвинь – и пидай себе.

– Слушать противно... – пробормотала Лера.

Резко встала и отошла от сбившихся в кучку девчонок в сторону, к своему зеркалу. Вслед за ней потянулась верная Надя, осторожно тронула ее за руку:

– Лерочка...

– Что? – выдохнула та.

– Я хотела сказать тебе... – неуверенно произнесла Надя.

Но сказать ничего не успела. На пороге гримерки появился один из милицейских, рядом с ним маячил Марат.

– Вот они, – расслышали девушки.

Милиционер тут же подошел к ним:

– Валерия Летягина, вы пойдете со мной.

– Куда?! – в ужасе пискнула Лера – неужели они ее опять в тот туалет поведут?! – К ней?!

– В кабинет администратора, – успокоил сыщик. – Нам нужно с вами поговорить.

– Она скоро вернется? – потребовала верная Надя – и тут же нарвалась на пронизывающий взгляд и колкий вопрос милицейского:

– Это вы нашли тело?

– Д-да... – проямлила Надя.

– Вы нам тоже нужны. Пойдемте, – приказал сыщик.

И увел обеих – Леру проводил в кабинет администратора, а Надю – в соседнюю комнату с табличкой «служебное помещение».

* * *

В допросе на самом деле ничего особо страшного не оказалось. Ну, кабинет администратора. Ну, двое милиционеров – один почему-то в форме, а второй – в мятом гражданском костюмчике. Марат, правда, тоже пытался приладиться – все кричал, что она несовершеннолетняя и потому он, ее менеджер, обязательно должен присутствовать при разговоре.

Но, как ни кипятился менеджер, а присутствовать ему не позволили. Леру изгнание Марата совсем не огорчило. И так придется отвечать на вопросы милицейских *с оглядкой* – это она еще с раннего детства запомнила, когда папаня разглагольствовал: «Болтаешь с ментами – всегда фильтруй базар». Поэтому хорошо, что хотя бы на менеджера ей *оглядываться* не придется.

Впрочем, фильтровать особо ничего и не пришлось – никаких «скользких» вопросов менты не задавали. Спросили про Надю, откуда она на показе взялась, – Лера все, как есть, и рассказала. Спросили, когда в последний раз Соньку видела и что делала весь сегодняшний вечер – она ответила. И менты, как узнали, что из гримерки она вообще не отлучалась и свидетелей тому несть числа, так сразу скисли. Рожи, правда, строили суровые и обещали, что обязательно еще вызовут – но сказали, что можно ехать домой, а показ, конечно, отменяется.

– Можно, я останусь? – попросила Лера.

– Зачем? – тут же насторожился один из сыщиков.

– Надю хочу дождаться, – пожал плечами Лера. – Она ведь моя подруга.

– Хороша подруга – второй раз в жизни видите, – буркнул сыщик. Впрочем, остаться разрешил. Велел только под ногами не путаться и в зал, где прием идет, не ходить – чтобы слухи не распустились.

– А что, народ не знает, что ли?.. – опешила Лера.

– А зачем им знать? – удивился мент. – Чего людей-то зря волновать?

– А показ тогда как? – не поняла Лера.

– Дался вам этот показ... – буркнул мент. И пояснил: – Мы только что его отменили. По *техническим* причинам. Все, Летягина, идите.

... В гримерку, где по-прежнему шушукались коллеги по подиуму, Лера не пошла: ну их, этих девчонок, охота была слушать, как они причитают. Явно же: ничего нового не разведаете, один писк. Нужно по-тихому Надьку дожидаться – и прочь отсюда. Переодеться только придется, прежде чем сматываться: платье-то, во-первых, вечернее, с открытой спиной, а во-вторых, не ее, а «показное».

Лера, осторожно ступая, подгрестила к двери «служебного помещения» – куда Надьку увели. Приложила ухо – слов не слышно, но женский голосок, явно Надюхин, пробивается. Значит, подружку еще терзают. Схорониться бы где – чтобы и вход в служебное помещение видеть, и милицейским глаза не мозолить... Она быстро оглядела коридор – и тут же нашла убежище: узкая, в четвертушку обычного объема, дверца – а за ней типа кладовки, две швабры стоят и ведро пустое.

Лера проскользнула в комнатушку, перевернула ведро – это будет стул, а на платье вечернее – плевать, оно все равно не ее, а спонсорское. И прикрыла за собой дверь – оставила только щелку под один глаз, чтобы коридор видеть.

Ф-фу, никогда бы не подумала, что ей будет так хорошо – в крошечной, двухметровой комнатке. Пусть тут душно, пусть грязно – зато наконец-то она одна! И никаких ментов, и никакого Марата, и никакой мертвой Соньки с ее ужасной улыбкой...

Лера устало, будто возраст уже пенсионный, опустила на ведро, откинулась на стену, полуприкрыла глаза... Ну, блин! Вот сегодня денек!

И в голову тут же полезли всякие странные мысли. Что удивительно, не про убийство – вдруг неожиданно школа вспомнилась. Сегодняшний урок по физике. Учителю, Мих-Ванычу, видно, было лень про всяких Бойлей-Мариоттов разглагольствовать – в философию ударился. Встал у доски в позе оратора и ну вещать: «Цифры и формулы, ребята, – это такая мелочь. Знаете, кто больше всего формул помнит? Клиенты психбольниц. А для жизни совсем другое важно. Знаете – что?»

Лера, чтоб поддержать беседу, выкрикнула:

– Деньги! Для жизни – деньги важнее всего!

Однокласснички заржали, а учитель пожал плечами:

– Ну, а чтобы много денег заработать, – что нужно?

– Мужа богатого, – немедленно встряла толстая Нинка. (Как с такой фигурой можно вообще на мужа надеяться – тем более на богатого?!)

– Не в ту вы, девочки, плоскость пошли, – поморщился физик. – Чтоб в жизни преуспеть, нужно в первую очередь уметь анализировать. Сопоставлять факты и делать из них правильные выводы. Тогда и карьера у вас состоится, и деньги будут. Понятно я объясняю, Лерочка?

Лера тогда буркнула, что понятно, хотя поняла мало. Но сейчас, после убийства, решила, и правда надо все проанализировать. Хвала, как говорится, школе. Добросовестно сопоставила факты – и легко сделала целых два вывода.

Оба они оказались совершенно неутешительными.

Во-первых, поняла, что она сама – жестокосердная (это ее мамочка такому словечку научила). Потому что Сонькина смерть ее всего лишь ошеломила. Шокировала. Озадачила... Но чтобы, как полагается, реветь и волосы на себе рвать – на тему, что, мол, как мне жаль... какая утрата... Ни малейшего желанья не возникло. Более того, даже злорадная мыслишка мелькнула: «Доигралась ты, Сонька. Донаглелась. А ведь я тебя предупреждала...»

Хотя, конечно, когда подруга улыбается холодной, мертвой улыбкой – это по-настоящему страшно.

Ну а второй Лерин вывод касался Нади. «До чего ж глупо-то получилось! – думала Лера. – Я ее на показ позвала для чего? Повыводываться, если уж честно. Показать, в каком мы классном мире живем – икра, шампанское, вечерние платья. А вышло что? Вместо праздника –

Надька нашла Сонькин труп. А потом еще и Марат на нее наорал. Теперь еще хуже, менты ее мучают – вон, куда уже дольше, чем меня...»

...По коридору застучали чьи-то шаги. Лера тут же расширила свою дверь-щелочку, выглянула – и увидела: шествует незнакомый, явно не из их модельного мира, парень. По виду – типичный оперативник. В смысле, такой точно, как их в сериалах показывают: молодой, в джинсах, с суровым лицом и колким взглядом. Только ведет себя странно – будто боится кого-то. Настороженный, то и дело оглядывается. Лера дверью случайно скрипнула – так он тут же вскинулся, замер, глаза заметались. Нет, пожалуй, товарищ – совсем не мент. Но кто тогда? И что здесь делает?

Лера начала лихорадочно соображать, как поступить – может, нужно выбежать из убежища и мчаться к *настоящим* милиционерам, рассказывать о подозрительном типе?.. Но дверь в «служебное помещение» вдруг отворилась и оттуда не вышла – вывалилась Надька. И тут же угодила в объятия к непонятному красавчику: тот подхватил ее бережно, будто какое сокровище. А Надька, нет бы вырваться, – сомлела, обхватила его и чуть ли не на плече рыдать настроилась... Вот это дела!

Лера пулей выскочила из своей конурки и со всех ног, насколько высокие каблуки позволяли, бросилась к странной парочке. Надька подняла на цокот шпилек понурую головушку – и, вместо того чтобы радоваться, что подруга ее дождалась, вдруг скривилась. Впрочем, быстро взяла себя в руки, недовольную гримасу погасила и что-то шепнула своему спутнику. Тот немедленно воззрился на Леру – ох, красив, до чего же красив!!! Ну, надо *ковать*, пока пялится.

– Наденька! – воскликнула Лера. – К тебе что – уже конвой вызвали?!

– Почти, – буркнула Надюха.

– Завидую, – ухмыльнулась Летягина. – Конвоир у тебя хорошенький. Познакомишь?

Надя, явно без большой охоты, представила:

– Лера Летягина. Дима Полуянов.

– О, да вы накоротке! Быстро! – восхитилась Лера.

– Дима Полуянов – мой друг. Друг детства, – слабо улыбнулась библиотечка. – И он не конвоир, а журналист. Корреспондент газеты «Молодежные вести».

– Вот как? Журналист? А я вас за мента приняла... – ответила Лера. И тут же ввернула комплимент: – За симпатичного мента. Типа, из «Улиц разбитых фонарей».

Комплимент попал точно в десяточку – журналист просиял и тут же потянулся целовать Лерину ручку. Галантно проворковал:

– Рад познакомиться, Лера... – И очень к месту ввернул: – А я вас узнал. Ведь это вы – рекламное лицо парфюмерного концерна «Юлиана»?

Тут уж настала Лерина очередь просиять – здорово все-таки, когда тебя узнают, тем более – молодые, симпатичные журналисты.

– Да, это я, – ослепительно улыбнулась она. И тут же попыталась залудить ответный комплимент: – А вы тот самый журналист Полуянов, который вместе с президентом на все визиты летает?

(Сроду она никого из президентских журналистов не знала – но вдруг удастся угадать?)

Но угадать не получилось – Дима лишь усмехнулся:

– Избави бог, Лерочка! Летать с президентом – это же так скучно! Нет, я пишу совсем на другие темы... – Он загадочно улыбнулся.

Но рассказать о своих темах не успел – в разговор встряла Надя. Едко – куда только уже привычный слабенький голосок подевался? – поинтересовалась:

– Мы так и будем тут стоять? Мне вообще-то разрешили домой идти.

– Нет, – мгновенно отреагировал Дима. – Стоять здесь мы не будем. Но и по домам – не пойдём. Знаете что? Здесь кафе есть, буквально напротив «Континенталья». Пойдемте, выпьем по рюмке чая? За знакомство, за чарующий вечер?

«Ничего нет чарующего. И вообще нехорошо как-то – после убийства чай пить, будто ни в чем не бывало, – подумала Лера. – Но, с другой стороны... этот Полуянов – такая лапочка...»

В общем, лучше она промолчит – пусть Надя с Димой сами решают. Надья и решила – отрезала:

– Не хочу.

– Почему? – изумился Дима.

– Потому что не вдохновляют меня... чай после убийства, – пожала плечами библиотекарша. – Так что я уж лучше домой.

– А мне помочь, Надюха? – вкрадчиво спросил журналист.

– А чем я тебе могу помочь? – фыркнула Надя.

– Рассказать, что здесь было. – Дима взглянул на часы и объяснил: – Мне через пятнадцать минут заметку в номер сдавать. Чтоб в завтрашней газете вышло.

– Ах вот как! – воскликнула Надя, и лицо ее тут же стало обиженным-преобиженным. – Ты, значит, сюда по работе приехал!

– Нет. Я приехал тебя спасать, – тут же возразил журналист. – Сразу, как ты позвонила, сорвался. Но почему бы нам не совместить полезное с приятным? Я тебя, как истинный спаситель, буду кофеем отпаивать – а ты мне по-дружески, у камелька, все расскажешь?

– Вон, пусть Лера тебе рассказывает, – отмахнулась Надя.

– Нет, – решительно отказался журналист. – Если уж говорить – так всем вместе. Я у вас обеих интервью возьму. Так как – идем?

Лера задумалась. Поболтать с симпатягой – это одно. А давать интервью, даже и о Соньке, – совсем другое. Марат-то как наставлял: все контакты с прессой – только через него: «А то ты, коза, такое ляпнешь, что потом хрен отмоешься!»

Но интервью, которые проходили в присутствии Марата, оказывались сущим адом. На любой Лерин ответ ее менеджер то хмыкал, то кривился, а то и еще хуже – встревал в разговор и требовал от журналиста «этот ее бред не записывать». Так что, если Марат будет присутствовать, с красавчиком из «Молодежных вестей» лучше и вовсе не разговаривать, а то она выставит себя полной душой... И так она рискует – болтает с журналистом в коридоре, где менеджер может выскочить и нависнуть в любое время.

И Лера сказала так:

– Знаете что? Про Соньку рассказать я, конечно, могу – но только... как это будет... анонимно, вот.

– Вы чего-то боитесь? – тут же наострил журналист.

– Да ничего я не боюсь, – фыркнула Лера. – Просто менеджер у меня сволочь. За каждым шагом секет.

– Сечет, – поправила ее Надя.

Дима взглянул на нее удивленно, а Лера расхохоталась (интересно, прилично ли хохотать, если только что подругу убили?):

– Ага, Надья, все с тобой ясно. Боишься, что друга детства отобью?

Надя, конечно же, немедленно покраснела и зыркнула очень обиженно. «Да врешь ты насчет друга детства! – подумала Лера. – Влюблена ты в него, вот что!»

Но озвучивать свои мысли не стала – зачем библиотекаршу зря травмировать? И так ясно, что у Надюши перед ней, Лерой, даже миллионной доли шанса нет.

Дима – молодец, не теряется! – юлой ввернулся между обеих девушек, обхватил каждую за плечи и потащил к выходу:

– Все, девчонки, тогда уходим. Немедленно.

– Немедленно не получится. Мне надо переодеться, – возразила Лера.

– Зачем? – изумился Полуянов.

– Ну, у меня ж платье вечернее. (О том, что к тому же не ее собственное, говорить не стала.)

– Оно тебе так идет, Лерочка, – подлизнулся журналист. – Давай, ты потом переоденешься, а?

«Ну и вставит же мне Марат! – мелькнуло у Леры. – У меня же в контракте: *«использовать одежду для показа только в помещении для показа...»*

Впрочем, противиться Полуянову сил не было.

– Хорошо, – покорно сказала она. – Я переоденусь потом. Пошли.

* * *

Лера не очень разбиралась в журналистах, но Дима Полуянов, похоже, был очень опытным. По крайней мере, конфетку из Сонькиной гибели склепал непринужденно, красиво и быстро. Лера только рот разинула, когда увидела, как, оказывается, делаются заметки для газеты – раньше-то думала, что журналистов муки творчества терзают, что они пишут-правят и даже в отчаянье рвут неудачные страницы... Дима же работал безо всяких мук. Задал Лере и Наде всего-то четыре вопроса, черкнул в блокноте пару строк и объявил, что «готово дело».

– Но... – опешила Лера. – Но я же про Соньку еще много чего другого знаю! И мысли, кто ее мог убить, у меня есть!..

– Расскажешь, Лерочка, – заверил Дима. – Все расскажешь, в деталях. Но позже, для следующего номера. Мы с тобой тогда вообще аналитическую статью напишем. А сейчас – подожди, я информашку быстренько скину...

«Мы с тобой!.. Напишем! Во, классно!» – восхитилась про себя Лера. Дима же тем временем достал мобильник, набрал номер, закурил сигарету и, как по писаному, принялся диктовать кому-то неведомому:

– Топ-модель Софья Перепелицына была убита примерно в девять часов вечера на показе весенне-летней коллекции в ресторане «Континенталь». Смерть застала ее в туалетной комнате, где девушка приводила себя в порядок перед выходом на подиум. Неизвестный нанес Софье несколько ножевых ударов в область грудной клетки – один из них, по предварительным данным, оказался смертельным...

Лера заметила, что блокнот с пометками журналист захлопнул, глаза прикрыл, и восхищенным шепотом спросила у Нади:

– Он что же, прямо из головы придумывает?!

Надя только плечом дернула – насмешливо, вполне в Сонькином стиле.

– И это правда завтра в газете появится? – не отставала Лерочка. – В самих «Молодежных вестях»?!

– У тебя кофе стынет, – буркнула Надя. – Пей.

Лера машинально – мерси Марату, уже реакция выработалась на командный тон – отхлебнула кофе и решила Надьку больше ни о чем не спрашивать: нервная она какая-то, или менты довели, или и правда – ревнует.

А тут и Дима отдиктовался. Нажал на «отбой», отбросил мобильник, устало выдохнул:

– Ф-фу, еле успел... Газета уже в типографию уходила.

– И завтра уже прочитать можно будет? – спросила Лера – на этот раз не сердитую Надьку, а самого Полуянова.

– Ну да. С утра газета уже в киосках, – пожал плечами Дима. – Разбирают «Молвести», кстати, быстро. Так что лучше пораньше встань, чтобы наверняка купить.

– А во сколько пораньше? – продолжала упорствовать Лера.

– Ну... скажем, в шесть утра. Когда киоски только открываются. Проснешься?

– Проснусь, – серьезно пообещала Лерочка. – И куплю.

А Надя фыркнула.

Дима виновато взглянул на подругу детства и обратился к Лере:

– Ладно, не заморачивайся. Я тебе номерок оставлю. Из личных запасов.

«Значит, еще раз увидимся», – порадовалась Лера.

А Полуянов – снова покосился на Надю и, видно, почел за благо опять перейти на официальный тон:

– Теперь так, девчонки. Пьем еще кофе – а потом вы мне рассказываете все поэтапно.

От альфы до омеги.

Встретил непонимающий Лерин взгляд и пояснил:

– Во-первых, весь ваш сегодняшний вечер – по минутам. А во-вторых – это уже к тебе, Лерочка – мне нужна полная биография этой Соньки. Ее интересы, контакты, связи. Имена любовников и поклонников. Что рекламировала, в каких показах участвовала. В общем, вся подноготная.

– Будешь на ее костях славу себе делать? – не очень-то любезно поинтересовалась Надя.

– Нет, – покачал головой Полуянов. – Буду выяснять, кто ее убил.

«Класс!» – оценила Лерочка.

Глава 4

Лера

До чего же приятно, когда двое *взрослых* – да не абы каких, а красавчик-журналист и умная, как сто энциклопедий, библиотекарша слушают тебя разинув рот! Удерживать бы их внимание вечно! Любой ценой. Даже такая шальная мысль в голове пронеслась: «Сказать, что ли, будто это я – Соньку?.. Ножом?! Вот у них рожи вытянутся!!!»

Но от столь явной глупости Лерочка, конечно же, удержалась. Обойдемся без самооговора – сплетен, идей и мыслей и так хватает.

Она откинулась на неудобном кафешечном стуле и заговорщицки произнесла:

– Так сказать вам, кто Соньку убил? Скорее всего?

Надя с Димой переглянулись. В глазах библиотекарши Лера с обидой подметила насмешку. Дима же остался серьезным. Кивнул.

– Конечно, скажи. – И подначил: – А ты, что ли, знаешь?

– Знаю, – снисходительно кивнула Лера. Выдержала паузу и закончила: – Сонька, царство ей, конечно, небесное, той еще фруктой была. Врагов себе нажила – как в бразильском сериале. Серьезных. Таких, что грохнуть могут на раз.

Надя снова хмыкнула, а журналист спокойно спросил:

– А можно, Лерочка, поконкретней?

– Можно, – кивнула девушка. – Взять, например, Сонькиного папика. Дядю Андрея Черкашина. Вроде – лопух лопухыч, мухам со своего компота хлебать дает. Сонька всегда болтала, что им, как хошь, вертеть можно. И вертела: бабки тянула, трубку не снимала, когда он названивал, на свидания не являлась. Трепала, что папик ей что угодно с рук спустит. Но у меня-то, – Лера постучала пальцем по лбу, – тоже глаза есть. Так что я видела, как этот Черкашин на нее смотрит.

Лера примолкла.

– И как же он на нее смотрел? – подбодрил девушку Дима.

– Как, как... – Лера задумалась, подбирая нужное слово.

Дима с Надей терпеливо ждали.

– Как Отелло – на Дездемону, вот! – наконец сформулировала девушка.

– Какие страсти... – насмешливо выдохнула Надя.

А Дима заинтересовался:

– И как, Лерочка, ты сказала, этого папика зовут? И где он работает?

– Черкашин, Андрей Борисович, – будто по писаному, отбарабанила Лера. – Казино «Золото Маккены».

– А на какой он там должности, не знаешь? – продолжал пытаться Полуянов.

Лера задумалась:

– Вроде Сонька говорила, хозяин...

– Владелец – или управляющий? – уточнил Дима.

– Пес его... то есть я без понятия, – покачала головой Лера. И решительно добавила: – Хотя я думаю, что ни то, ни другое. «Шестерка», короче, какая-нибудь...

– Почему ты так считаешь? – улыбнулся журналист.

– Да потому, что вид у него не хозяйский. И «мерс» старый, – отрезала Лерочка. – И камень в кольце крохотный – полкарата максимум.

Надя – она в беседе не участвовала, хотя слушала внимательно – метнула взгляд на собственное колечко – в нем, Лера уже давно заметила, вообще не камень, а так, бриллиантовая пылинка.

– А почему, ты говоришь, Отелло? – задал новый вопрос Полуянов. – Так он Соню ревновал?

– Пас ее конкретно. Сонька жаловалась, что он расписание у Марата берет.

– Это как?

– Как-как... Ну, например, на сегодня в нашем расписании написано: показ в девять, на грим к восьми, окончание в одиннадцать. Так Черкашин, старый ревнивец, еще раньше восьми подгреб.

Журналист аж поперхнулся:

– Так он был сегодня на показе?!

– Ну да, – пожала плечами Лерочка.

– Что ж ты раньше молчала? – укорил Полуянов.

– Ты, можно подумать, спрашивал, – дернула плечом девушка.

Тут в разговор встряла Надя. Строго спросила:

– Подожди, Лера. Откуда ты знаешь, что Черкашин присутствовал на показе? Ты сама его видела?

– Нет.

– Так как же ты говоришь, да еще и с подробностями?! Что он именно раньше восьми подъехал?! – возмутилась библиотекаряша.

– А я его «мерин» у входа видела. Когда сама заходила, в девятнадцать пятьдесят. Он, кстати, и сейчас у «Континенталья» стоит. Хотите, к окну пересядем – сами увидите.

– Конечно, хотим! – оживился Дима. И вежливо обратился к «подруге детства»: – Ты не возражаешь, Надюша?

– А если б и возражала? – буркнула та. (Лера отметила – с того момента, как в их компанию влился журналист, общаться с Надей стало сплошным бедствием.)

Пересели к окну. Лера, продолжая наслаждаться непривычной, но, как оказалось, очень приятной ролью Главного Рассказчика, велела:

– Ну а теперь все смотрите: вон, у самого входа. Пятисотый «мерин», ясное дело, черный, на левом крыле вмятина. – И объяснила: – Это Черкашин Соньку водить учил, и она в помойку врзалась, страшно этим гордится... – Лера вдруг почувствовала, как в носу предательски защипало, и поправилась: – То есть гордилась.

– Хотелось бы знать, где Черкашин сейчас, – задумчиво произнес Полуянов. – Расслабляется на фуршете? Или его уже допрашивают?..

– А ты у него сам спроси. Когда он выйдет, – ехидно посоветовала Лера. – Ты ведь журналист, должен уметь без мыла в жо... то есть я имею в виду, умеешь с народом общаться.

– Спрошу, – пообещал журналист. И снова обратился к Лере: – А был у Сони кто-то еще, кроме Черкашина?

– Был, – поморщилась Лера. – Илюшка.

– А он чем знаменит? – заинтересовался Дима.

– А это Сонькина, как это она говорила... неземная любовь. Маньяк, в общем.

– Не понял? – озадачился Полуянов.

– Ну, мутный, короче, какой-то. Приходил на каждый ее показ, – с плохо скрываемой досадой объяснила Лера. – Всегда с цветочками. Дорогими. Подарит, глазами похлопает – и прочь. Даже ручку – и то не целовал. Боялся, видно, что Черкашин ему по ушам настучит.

– Платоническая любовь? – усмехнулся журналист.

– Ха! Да где это видано, чтоб у Соньки – и платоническая! – не без злорадства хмыкнула Лера. – Ясен перчик, спала она с этим Илюшкой. Правда, редко. Ему это дело, говорила, особо

и не надо. Он ей по полсвидания о неземной любви по ушам тер... И замуж звал. Очень Сонька стебалась.

– И сегодня этот Илюша тоже присутствовал?

– А куда ж без него! – фыркнула Лера. – Присутствовал. У самой черной икры, гад, стоял.

Помнишь, Надь, я тебе показывала?

– А как бы мне его фамилию узнать? – поинтересовался Полуянов.

– Ой, точно не помню. Казарин, кажется. Но не уверена. Можешь у Марата спросить, – пожалала плечами Лера.

– А Марат-то здесь каким боком? – не понял журналист.

– А он всем Сонькиным хахалям подробный учет ведет, – объяснила Лера. – Порядок такой, все уже привыкли. Каждого, кто на показе больше двух раз появляется, – остановит, расспросит, документы посмотрит.

– И они не возражают? – удивился Полуянов.

– А будут возражать – он на них службу охраны натравит, – объяснила Лера. – Мы ж, как Марат говорит, товар. Дорогой, штучный.

– Не обидно вам – товаром-то быть? – встряла в разговор Надя.

– А чего тут обидного? – хмыкнула Лера. – Обидно – если ты третий сорт. А если высший – то нормально.

– Да, это, конечно... – начала Надя.

Но ее перебил Полуянов:

– Девчонки, внимание: к «мерсу» мужчина подходит! Лера, смотри быстро – он?

– Он. Черкашин, – кивнула девушка.

Полуянов вдруг вскочил:

– Одну минуту, девчонки. Сейчас вернусь. – И бросился прочь из кафе.

– Куда он? – растерялась Лера.

Надя промолчала.

– Ну правда – куда? – повторила Лерочка.

– Ты что, совсем глупая? – фыркнула Надя.

– Считай, что так, – поморщилась Лера. И снова спросила: – Так куда он пошел, в туалет?

– И ты называешь себя высшим сортом? – закатила глаза Надя. Но все же смилостивилась, пояснила: – Ясное дело – пошел с Черкашиным знакомиться. Ты ведь ему сама предлагала!

Тут и Лера увидела: журналист вышел из кафе и торопливым шагом направляется к черкашинскому «мерсу».

– Я вообще-то шутила, – пробормотала девушка.

– Странные у тебя шутки, – немедленно пригвоздила библиотекарша. И поинтересовалась: – А почему бы Диме и правда с этим Черкашиным не поговорить?

– А потому, что Черкашин... Черкашин... – Лера понизила голос и закончила: – Он убийца... Не в том смысле, что точно Соньку убил, – а по жизни.

Встретила недоверчивый Надин взгляд и добавила:

– Сто пудов, мне Сонька рассказывала. Она сама видела...

За неделю до описываемых событий

Соня

Каждый раз, когда Черкашин вывозил ее за город, в свой коттедж, Сонька жалела, что коммунизм, который старательно строили ее родители, не состоялся. Тогда жили бы все, как

ее папик живет, – на воздухе, с соловьями и «меринном» в гараже. Революционер Ленин ведь как учил: «От каждого по способностям, каждому по труду». Ну, и что, Черкашин очень уж способный? Или сильно больше трудится, чем ее родаки? Только и работы у него – шляться по мягким коврам казино да напускать на себя важный вид. Зато живет – будто элита какая, гордость нации. Забор – трехметровый, дом – фигуристый, со всякими витражами-башенками, а на участке, особенно если спяну, – и вовсе заблудиться можно: и сосны, и кусты разные, и тропинки меж ними витиеватые. Ну а больше всего Соньку инсталляция бесила. Это Черкашин так свою гордость именовал – сам вроде придумал и спроектировал: речка, которая ходит по кругу (воду гоняет хитро скрытый насос), а посередине – островок, и на нем голая мраморная баба с кувшином, богиня, что ли, какая-то.

Черкашин от этой своей богини фанател не по-детски: и завтраки, как он говорил, «под ее божественной сенью» устраивал, и для секса на дурацкий остров лазить приходилось. Та еще радость: холодный взгляд мраморной бабы, мутные от кайфа глазенки Черкашина и комары, ясное дело, слетаются на воду со всей округи. А в траве (взять подстилку папик тоже не позволял, чтобы, видите ли, «единения с природой» не нарушить) – в избытке всяких муравьев и прочих ползучих тварей. Но сколько ни пыталась Сонька от «островной любви» отбиться, не выходило никак, папик только злиться начинал.

Хорошо, что в черкашинский коттедж часто ездили не вдвоем – в такие-то дни от папика с его фантазиями эротическими хоть на стенку лезь, – а еще и с Зыряниным (ну и, ясное дело, с его девицей).

Зырянин приходился папику «школьным другом» – как выпьют, начинают мусолить: то вспоминают, как классный журнал в конце четверти сперли, то хвалятся, кто сколько раз в школьном спортзале, под конем, с девицами обжимался. Слушать противно. И еще противней – представлять папика подростком, с прыщами и в школьной форме. (Маманя говорит, в старые времена весь молодежь смотрелся хреново, особенно парни. Ходили поголовно в серых костюмчиках и с перхотью, потому что хоть и ждали коммунистического рая со дня на день – а шампуней хороших тогда в продаже не было.)

Папик-то и сейчас, хоть при деньгах да при личном косметологе, и то не красавец, а уж подумать, каким он в школе был, сразу дурно становится...

Сонька отроков вообще не жаловала. От ровесников, давно заметила, даже запах неприятный: спермы у них много, использовать не в кого – видно, застаивается продукт, и потому от всего организма воняет.

А быть при Черкашине, спору нет, совсем неплохо – покладист, и руки распускает только уж с очень большого бодуна. И еще повезло: папик бездетный, и потому с ним капризничать можно – он неопытный. Не знает старичок, что плакать, просить конфетку – это у детей просто забава такая. И если б ей предки каждый раз сластей отсыпали столько, сколько она требовала, – всей семье пришлось бы голодной сидеть. Ну а Черкашин, как Соня губы надует, – тут же пугается: «Ох, не плачь, деточка!» И тут уж – дело техники, что с него сдаивать: хоть сумку фирмовую, новую, хоть тех же баксов «на конфетки».

А вот Зырянин, папиков друг, – тот совсем другой. Его ни капризами не прошибешь, ни слезами, как только его подружка, Маруся, с таким дубом живет?! Наклюкается Зырянин джина с тоником – и начинает квакать:

– Я вас, финтифлюшки продажные, насквозь вижу.

И все пытается другу своему «глаза открыть»:

– Да Сонька твоя тебя не то что за тридцать – за полсребреника продаст!

И постоянно стучит, шпионит, всякие гадости про нее собирает. Доложил раз папику: вроде бы Сонька из его бумажника регулярно деньги подтаскивает, сам видел. (А реально, всего-то полтинник гринов она однажды и свистнула. И то только потому, что нужно было

цветные контактные линзы купить, а Черкашин на них башлять отказался: «У тебя, детка, такие прекрасные глазки, зачем же вставлять в них какой-то полиэтилен?!»)

Или подслушал, как они с Марусей задумали на мужской стриптиз сходить, – и тоже разорался на тему, что «бабы тратят бабки на какой-то бред». (Черкашин – тот Соньку другими словами упрекал, типа, что чужие голые мужики – это безнравственно, надо ж такое завернуть!)

С дружбаном своим школьным хоть и пьют вместе, а Зырянин тоже раз через раз ругается. Во все детали их ссор (а лаялись «друзья» частенько) Сонька не вдавалась – подслушивать удавалось не часто, да и понять не всегда получалось. Но суть, похоже, была такая: когда-то давно, чуть не в школьные, прыщавые времена, они шустрили на пару. Сначала фарцевали (то есть, как объяснила маманя, покупали у форинов – то есть иностранцев – жвачку и джинсы, а потом впаривали втроедорога одноклассникам). Потом, вроде уже после института, какой-то «цех» у них общий был (опять же, мать проконсультировала: в магазинах в старые времена одна фигня продавалась, ну, а нормальные шмотки шили в «цехах» – и потом продавали на барахолках). Ну, а когда коммунизм отменили и начался рынок, Черкашин с Зыряниным выползли на волю и торговлю повели с размахом – товары разные чуть не поездами гоняли туда-сюда... А потом, лет, похоже, пять назад, что-то с их общим бизнесом случилось. Вроде наезд какой-то – то ли братки налетели, то ли налоговая. В общем, пришлось откупаться, а потом – всю торговлю перестраивать. И вот настолько хитро они ее перестроили, что Черкашину хоть и достался особняк, «мерин» – да и денег, видно, немало, – но превратился он в наемного работника и ушел из собственного бизнеса в казино. В чужое казино – обычным управляющим. (Сонька как-то порылась в бумагах папика и нашла: у него с этим «Золотом Маккены» обычный трудовой договор – такой же, как у нее самой с модельным агентством Марата.)

Ну а Зырянин остался единоличным хозяином некогда общей торговли. («Прихапал, паразит, весь мой бизнес», – упрекал его, когда выпьет, Черкашин. Друг же только похохатывал.)

Но этих старичков не поймешь. Вон, сама Сонька, когда у нее задавака-Ленка новую тушь из сумочки сперла, расцарапала той морду до кровавых полос, никакой тональный крем не помог, – а Черкашин, хоть у него не тушь – бизнес украли, – этого, якобы кореша, привечает, в особняк привозит, завтраками кормит на любимом острове со своей долбаной каменной богиней.

Сонька даже однажды, после добротного секса, когда папик, разморенный и благостный, дымил сигарой у камина, напрямую спросила – ты, мол, папуля, по жизни такой добрый – или, извини, просто дурак? Черкашин, ясное дело, разозлился, грозился «настучать по губам» и велел «во взрослые дела не лезть».

Пришлось прибегнуть к испытанному оружию: надуть губы. И сказать грустным тоном: – Да что ваши дела, мне-то с них прибыли нет. Я ж тебя просто жалею – а ты кричишь...

Черкашин – обиженный Сонькин вид на него всегда действовал безотказно – злиться перестал. Но и в детали своих отношений со школьным другом вдаваться не захотел. Просто сказал задумчиво:

– Не волнуйся за меня, деточка. Отольются еще кошке мышкены слезки.

Но в этот момент был сам так похож на мышшь – престарелую, предынфарктную, – что Сонька едва удержалась, чтоб не фыркнуть...

Больше к разговорам о бывшем черкашинском бизнесе они не возвращались, и дружба своего Сонькин папик по-прежнему привечал. Зырянин частенько бывал в папиковом особняке. Старички вместе ходили в баню, стреляли уток, дымили вонючими «гаванками», а как глаза до нужного уровня зальют, заставляли Соньку и зырянинскую Марусю плясать перед ними на столе. (Причем каждый раз спорили: Зырянин требовал настоящего стриптиза,

а старый девственник Черкашин настаивал, чтоб девушки обходились обычными танцами, в одежде.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.